

Максим Сугробов

Плоды манцины

16+

Максим Сугробов
Плоды манцинеллы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сугробов М. Л.

Плоды манцинеллы / М. Л. Сугробов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Слепая вера губительна, подчинение авторитетам – безрассудно, обожание – яд. В гневе и ненависти родился новый мир. Мир, разрываемый на части все теми же пороками, что уничтожили старый. Мир, обреченный на гибель. Но где-то там, среди обломков прошлого, окруженное воплями отчаяния есть Совершенство. И оно неуклонно идет к своей истине.

Максим Сугробов

Плоды манцинеллы

Плоды манцинеллы

Пролог. Опыты

Сколько же в ней жестокости. Сколько безразличия...

Зрение постепенно возвращалось. Мышцы гудели. Он в тайне надеялся, что обнаружит пустую комнату за пеленой воспоминаний, но нет. Девушка все так же стояла перед ним, лениво облокотившись на пустую стену.

– И чего ты ждешь? – спросила она.

Он вытянул руку ладонью вниз.

– Меня колотит. Видишь?

Пальцы мелко дрожали.

– И? Это проблема?

– Да. Не хочу испортить почерк.

Девушка закатила глаза.

– Дался мне твой почерк, старик. Ты остаешься, нет?

Он устало посмотрел на раскрытый журнал. «Все, хватит. Я ухожу. Это чудовищно, ты разве не понимаешь?» – эхо собственного голоса звенело в ушах. – «Поначалу еще куда не шло, но теперь... Это слишком, девочка. Прости, но давай дальше без меня, ладно?» Горячая речь. Его слова. Казалось, что прошли годы с того момента, как он стоял посреди комнаты и яростно жестикулировал. Но минуло каких-то полчаса.

«Ты просто не видишь цели», – ответила она. – «Я тебе покажу, хочешь?»

Не следовало соглашаться. Надо было просто уйти.

– Слушай, – раздраженно бросила девушка. – Я все понимаю. Но прими уже решение.

Он смерил ее тяжелым взглядом и взялся за ручку. Перо глухо заскрипело по бумаге.

«Двенадцатый завершен».

Ему всегда нравилось писать. Очень давно, во времена светлой юности, эта страсть проявилась впервые. Все вокруг предпочитали печатать – на телефонах, планшетах, плоских экранах и мягких клавишах, позабыв о том, что истинное письмо таит красоту. Искусство. Острые скользит по бумаге, оставляя тонкий, блестящий след. Темная линия образует букву, еще и еще одну. Рождается слово. Фраза. Предложение. Мысль перетекает на листок, превращаясь в ровный отпечаток чьей-то памяти.

«Двенадцатый завершен. Результат...»

Он медленно поднял глаза. Девушка выжидающе смотрела, а во взгляде ее читалась правда.

Сколько же в ней боли. И как сильна ее любовь...

– Не те...

– Не смей, – грубо оборвала она. – Не смей, старик. Никогда. Я показала тебе все, но это не значит, что ты имеешь право на эти слова.

– Но они же из песни.

– Ее никто не помнит. Кроме меня.

– И кроме меня. Теперь.

«Результат – неудача».

Девушка удовлетворенно кивнула, схватила легкий плащ, что часом раньше сама оставила на стуле, и устремилась к выходу.

– И когда будет следующий? – прокричал он вслед.

Она остановилась в дверях, бросила быстрый взгляд и произнесла: «Скоро». После ее ухода, как и всегда прежде, чувство опустошенности вцепилось в сердце. Но теперь к нему добавилась новая черта – боль. Терзания прошлого, чужие, но такие яркие, что казались родными.

– Черт бы тебя забрал, девочка, – проворчал он и перевернул страницу.

Чистое бумажное полотно с тонкими линиями. Невинное, как дитя. Он бережно провел ладонью, пригладил свежий лист и крутанул ручкой в руках. «Скоро». Ровный почерк заполнит лист. Скоро. Точные буквы перенесут на бумагу судьбу нового образца. Скоро. Выводы, отчеты и характеристики безжалостно приведут к неизбежному итогу.

Совсем скоро.

В угрюмой тишине вновь запело перо. Чисто и высоко, ровно как голос Совершенства из далекого прошлого. Он слышал мелодию. Слова на французском. Видел тонкий силуэт девочки: глаза ее закрыты, пальцы лежат на клавишах рояля, чтобы через мгновение пробудить инструмент взрывом первого аккорда.

– Ты победила, – мрачно сказал он в пустоту, разгоняя наваждение минувших дней. – Теперь я точно никуда не денусь...

Свежая надпись горела черным среди бумажной белизны. Она сольется с остальным текстом, когда начнется эксперимент. Угнетающе скоро. Но пока весь лист, вся страница, принадлежали лишь ей, лишь этим трем словам, извращенный смысл которых знали лишь двое.

«Опыт номер тринадцать».

Глава 1. Эволюция

– Каждый человек уникален. Каждый, понимаете? – мужчина активно жестикулировал. – Вы только вдумайтесь, насколько это поразительно – нас больше семи миллиардов. Миллиардов, мистер Грей! Семерка и девять нолей! Но каждый чем-то да отличается.

– То есть мать была права, когда говорила, что я особенный? – зал взорвался хохотом. В конце концов, массовке за это и платят – они должны бурно реагировать на любое действие ведущего.

– Именно! – мужчина пропустил реплику мимо ушей. – Мы все разные, и это физиология. Сколько времени, сколько сил было направлено на изучение человеческого гено типа, а мы только-только постигаем его удивительные свойства. Но! Без излишней скромности могу сказать, что мы – я и моя группа – на сегодняшний день как никогда близко подошли к тайне уникальности индивида.

– Я прочитал вашу статью, мельком. Не могу сказать, что понял из нее все, но суть, кажется, уловил – вы изучаете мозг...

– Все так, все так. Мозг – наш главный орган. Именно он-то и делает нас людьми, делает нас теми, кто мы есть – лишь его невероятно сложная структура выделяет человека среди других приматов.

– И вы с вашей группой нашли в этой структуре что-то новое?

– Нет. Она изучена досконально. Найти какую-то новую часть мозга, пускай даже мутацию, невозможно. Это все равно, что обнаружить новый мир посреди Манхэттена. В общем, если вы понимаете мою аналогию, подобные поиски бессмысленны. А вот особенности структуры мозга, процессы ее формирования у зародыша во время беременности, алгоритмы дальнейшего развития науке абсолютно непонятны.

– Как это? Не совсем вас понял сейчас, – ведущий растерянно улыбнулся и поерзал в кресле. – Мы не понимаем, как получается то, что делает нас людьми? То есть мы изучаем вселенную, но даже не постигли самих себя?

– Можно сказать и так, но это как-то слишком... Условно и грубо.

– Так и чем вы занимаетесь, доктор?

Себастьян Майер был из тех, кого в научных кругах учтиво называли мечтателями. За глаза их звали иначе, более грубо, но его это никогда не заботило. Он посвятил жизнь своим исследованиям и привык к тому, что общество коллег по цеху – физиков, химиков, биологов и прочих – воспринимало его предвзято. Не всерьез. Майер редко участвовал в конференциях, но помнил каждую из них. Едва он выходил на сцену и начинал доклад – дальнейшие события развивались, как по сценарию: зал наполнялся насмешливым гомоном, кто-то, пряча улыбку, крутил пальцем у виска, а некоторые и вовсе устремлялись к выходу. Если ему и задавали вопросы по работе, то только ради приличия. Себастьян был изгоем. Серой мышью Цюрихского университета.

Думал ли он, что его «мечта» достижима? Да, но это было давно – в те времена, когда он только начинал свой путь, орудуя скальпелем в холодных помещениях морга, рассматривая в микроскоп склизкие кусочки биологического материала, старательно делая пометки в исписанный журнал. Он неуклонно следовал за своей идеей, когда ему было двадцать, стойко принимал неудачи, когда ему исполнилось двадцать пять, кропотливо анализировал данные, когда время отсчитало его третий десяток. Майер проводил жизнь в университетских лабораториях, но ни о чем не жалел. Он хотел лишь найти свою истину, получить ответ на вопрос, который преследовал его с самого детства: «Как и почему рождаются гении?» Так он озвучивал идею коллегам, так начинал свои доклады, но в глубинах сознания Майера вопрос был иным – обратной стороной той же монеты: «Как и почему рождаются уроды?»

Себастьян упрямо искал ответ. Он начал свои исследования в 2002 году, сформировав небольшую группу единомышленников – группу обреченных изгоев, в жизни каждого из которых нашлось место одержимости. Марта Бремер, Кристоф Кьорди, Сэм Донштейн. Себастьян Майер. Люди, нашедшие новый смысл существования. Люди, упрямо бредущие к своей истине. Они погрузились в работу с головой, отгородившись от злобного, насмешливого мира, и преуспели. Первая экспериментальная установка появилась в 2015-ом.

– Доктор? – ведущий вежливо окликнул Майера.

– Да, простите.

– Чему посвящен ваш труд?

– Это... Это сканер. Нейронный сканер головного мозга. НСГМ, как мы его называем. Не очень оригинальное название.

– И... В чем смысл?

– Смысл в том, мистер Грей, что мозг определяет все. Каждая его часть содержит в себе целый мир и отвечает за множество функций. Быстрота реакции, скорость мышления, острота зрения и слуха – все это заложено в одном лишь органе, и он паразитичен. Мы, конечно, еще очень далеки от полного понимания всех процессов и структуры мозга, но наш сканер позволяет изучать ее в мельчайших подробностях.

– Интересно. Действительно интересно. И что мы можем увидеть там, в структуре?

– Человека. Личность. Все, что характеризует отдельного индивида. Мы можем рассмотреть различные доли и области мозга, оценить количество и плотность нейронных связей, мы можем понять, в чем силен человек, и в чем его слабости.

– Вы уже испытывали сканер?

– И не раз. У нас появилось немало добровольцев за первые несколько месяцев. Все хотели узнать, что же скрывается внутри.

– А себя вы сканировали?

– Да, – Себастьян равнодушно пожал плечами. – Я был одним из первых, конечно же.

– И что показал сканер?

– У меня неплохо развиты таламус и гиппокамп.

– Не представляю, что это значит.

– Это значит, что у меня хорошая память и сильный вестибулярный аппарат. В общем и целом.

– Так и что дальше, доктор? Вот вы построили сканер, вот просканировали весь род людской. Что потом?

– Не знаю, что будет дальше. Реализацией аппарата будет заниматься частная организация. Насколько я понимаю, договор уже подписан.

– Вы продали устройство?

– Оно принадлежит не мне. Точнее, не только мне. Это собственность университета и лаборатории, в которой я работаю. Его дальнейшая судьба в руках совета, а они уже приняли решение.

– Должно быть, это немалый куш.

Себастьян резко мотнул головой.

– Финансовая сторона вопроса меня вовсе не заботит.

– Понимаю, вы ученый.

– Но, если вы действительно хотите знать, что будет дальше – я вам скажу, – Майер придвинулся к ведущему и размеренно заговорил: – НСГМ изменит мир. Он, сканер, способен спасти тысячи, сотни тысяч жизней. У меня был... Был знакомый, назовем его Джон, который родился с целым набором дефектов и расстройств головного мозга. Деменция, аутизм, слепота. Это лишь те, что на поверхности. Но у Джона была особенность. Талант, который никогда бы не раскрылся, родись он в другой семье. У него был абсолютный музыкальный слух. Слух настолько феноменальный и точный, что поверить сложно.

– Его родители были музыкантами, как я понимаю.

– Да. Отец дирижировал где-то в Берлине, а мать сочиняла партии для рояля. Они увидели его талант, когда мальчику было десять. Он тогда говорил то с трудом, но, стоило ему прослушать лунную сонату в исполнении матери...

– Он ее запомнил?

Майер размашисто кивнул.

– И воспроизвел. На ощупь дошел до рояля под взором удивленной матери и сыграл сонату от начала и до конца, почти не допустив ошибок. Понимаете? Слепой, дефективный мальчик, до этого не знавший инструмента, садится за него и без запинки выдает Бетховена. И дальше больше – родители Джона, уже с горечью смирившиеся с рождением калеки в семье, воспрянули духом и начали испытывать мальчика, анализировать его слух. Только представьте, каким было их удивление, когда способности сына на поверку оказались безграничными. Слух Джона был за гранью возможностей человека, точен, как машина.

– Что с ним случилось?

– Опухоль мозга. Мальчик умер в тринадцать. Он мог бы стать вторым Моцартом.

Ведущий сделал паузу, выдержал ее и, почтительно склонив голову, произнес:

– Печальная история. Мне очень жаль.

– Да, жаль, – Майер угрюмо уставился в пол. – Но что было бы, родись он в другой семье? В семье, далекой от музыки? Джон бы просто умер, – доктор ответил на свой же вопрос. – Безмолвно, прожив тринадцать лет.

– И ваш сканер способен это изменить?

– Да. Мы сможем увидеть подобный талант, дать ему волю, дать ему, запертому в ущербном теле, главное и самое ценное – возможность проявить себя.

– То есть сканирование будет бесплатным и общедоступным, вы так считаете? – поймав вопросительный взгляд Себастьяна, ведущий продолжил: – Не у всех убогих детей есть родители с деньгами.

– Не знаю. Повторюсь, решать не мне.

– Но ведь у вас, как у создателя, должно быть право голоса.

– Должно. Но не факт, что оно будет.

– Ладно, доктор Майер, – ведущий налил стакан воды и сделал большой глоток. – Расскажите о сканере. Как он работает?

– Эффект Джозефсона. Нестационарный, конечно же. Мы измеряем магнитное поле каждого отдельного импульса нейронов, а затем, зная момент, получаем общую картину.

– Пациент при этом что-то испытывает?

– Нет. Пациент смотрит видео ряд, слышит звуки, чувствует прикосновения к различным частям тела. Каждое действие вызывает электрический отклик, из которого мы и делаем выводы о структуре головного мозга.

– А когда следует делать сканирование? В каком возрасте? И меняется ли структура мозга на протяжении жизни?

– Мы считаем, что возраст не важен. Мозг развивается, конечно, но не столь критично.

Ведущий неустанно заваливал доктора все новыми и новыми вопросами.

– Насколько он точен? Сканер?

– Мы пока не определились с тем, каким образом охарактеризовать его чувствительность, но, поверьте мне, точность достаточна.

Достаточна, чтобы видеть. Достаточна, чтобы анализировать. Несколько лет назад Себастьян и сам не верил в реальность собственной идеи. Но теперь эзотерика стала действительностью, с которой никак не могли смириться прошлые злопыхатели и насмешливые консерваторы. Но радовало ли это Майера? Нет. Он достиг одной цели, и перед ним стояла другая.

– А вот скажите мне, доктор, – ведущий задумчиво оглянулся. – У каждого ли человека есть что-то особенное в мозгах? К примеру, известные всем тесты на уровень интеллекта. Вы же понимаете, что они субъективны? Результаты показывают лишь часть способностей, ограничивая все, что не связано с моментальной обработкой информации и поиском выбора. Вы же говорите, что ваш сканер будет показывать все, до мельчайших деталей, – Себастьян коротко кивнул в ответ. – И вот предположим. Приходит человек, ложится под ваш аппарат, получает результат, а в нем нет ничего выразительного.

– Мы ожидаем увидеть статистику с некоторой медианой. Логично предположить, что подобные Джону люди – редкость. Гении вообще редкость.

– То есть, у нас будет некоторая норма?

– Вероятно.

– Звучит неоднозначно.

– Почему?

– А вы не видите? Медиана общества... Только подумайте, ваше изобретение будет определять и разделять. Появятся низшие, средние и высшие. Можно представить даже нечто большее – результаты сканирования станут чем-то вроде документа. Они будут указывать, трактовать жизнь каждого человека, – ведущий иронично вскинул бровь и продолжил: – Как дела в учебе? Все видно на скане. Успешная карьера? Посмотрим в карточке. Счастливая семья? Общественное признание? Обратимся к результатам.

– Я... – Майер смущенно потер виски. – Я никогда не думал об этом. Не смотрел на сканер с этой стороны.

– Да, доктор. Не смотрели. Но теперь уже ничего не поделаешь, верно?

– Да-а-а-а, – отрешенно протянул Себастьян. – Да, наверное.

– Но вернемся к изобретению. Расскажите его историю.

– В конце лета 2015-го мы собрали нечто, что стало базисом НСГМ. Наш первый прорыв, в который никто никогда не верил. На это ушло тринадцать лет.

– Немалый срок.

– Потом исследование ускорилось, пошло по нарастающей. Уже через два года мы получили то, что имеем сейчас.

– Финальный вариант сканера?

– Мы полагаем, что так. Он исправно функционирует и практически не допускает погрешностей. НСГМ готов.

– А что было потом?

– Потом? – доктор непонимающе посмотрел на ведущего. – В смысле, потом? Потом было «сейчас». Меня пригласили сюда, к вам на интервью.

– А, ну да, – мистер Грей смущенно улыбнулся и надсадно кашлянул. – Что вы можете рассказать мне о девочке?

– О девочке? – Майер мелко заморгал и вновь потер виски. – Не понимаю, о чем вы. О какой девочке?

Ведущий запустил руку за пазуху. Послышался легкий шелест бумаги. Из внутреннего кармана пиджака мужчина извлек аккуратный серый прямоугольник. Листок, сложенный пополам.

– Что это?

Ответа не последовало. Ведущий медленно развернул бумагу.

– Мистер Грей, что это? – Себастьян занервничал. Он сам не знал почему. Что-то в этом сложенном клочке бумаги показалось ему тревожным. И чарующим.

Взгляд ведущего пробежался по листку, а затем сместился на Майера.

– Вот, взгляните, – он протянул доктору записку, но из рук ее не выпустил.

«Ne me quitte pas, рара». Глаза Себастьяна метались слева направо, вновь и вновь пробегаясь по надписи.

– Ne me... Не покидай... Не покидай меня, папа, – едва слышно выдохнул доктор. – Не покидай меня, папа.

Ведущий убрал листок.

– Не покидай меня, папа, – Майер слепо смотрел перед собой. Он выглядел озадаченным и сбитым с толку. – Эст... Эстер? Боже... Эстер, девочка. Милая моя...

– Доктор Майер, – ведущий учтиво окликнул Себастьяна. – Что вы можете рассказать мне о девочке?

Глава 2. Изобретатель

«НСГМ изменит мир», – сказал доктор Майер на интервью. Тогда он и представить себе не мог всю глубину своей правоты. В середине 2017 года корпорация «Одуукана» приобрела права на производство и распространение сканера. Претендентов на обладание заветной лицензией было немало, но именно японский концерн, долгие годы поставлявший высокотехнологичное оборудование в Цюрихский университет, получил желанный документ. Себастьян Майер, как глава исследовательской группы, принимал непосредственное участие в создании производственного комплекса, назначением которого должен был стать фабричный выпуск НСГМ. Доктор приехал в Токио, где его расположили в тесном, но уютном кондоминиуме, совсем недалеко от главной башни «Одуукана», и без промедления принялся за работу. Он консультировал специалистов и инженеров, передавал чертежи, поражающие японских коллег своей сложностью, кропотливо трудился над керамическими композитами, в которых и заключался основной элемент сканера, и неустанно следил за тем, чтобы все было сделано правильно. К середине осени 2017 года первый японский НСГМ увидел свет. «Ноджу». Так решили назвать сканер, под таким именем он поступил на мировой рынок. Себастьян названия не понимал, и все его попытки вникнуть в суть японского слова оказывались тщетными. В конце концов, Майер сдался, решив, что это имя навсегда останется для него загадкой, попрощался с новыми коллегами, рядом с которыми он провел несколько увлекательных месяцев, и вернулся в Цюрих. Впереди ждала работа. Расшифровкой, анализом и составлением статистики полученных в будущем сканов могли заниматься только он и члены его исследователь-

ской группы. Это условие было одним из пунктов договора, заключенного между университетом и «Одуукана», под которым Майер с готовностью подписался. В конце концов, к этому он и стремился.

Пока доктор был в Токио, Марта Бремер продолжала свой труд в лаборатории. Она звонила ему по вечерам, обыденно спрашивала, как прошел его день, рассказывала о новых приглашениях на интервью, коих в последнее время стало невероятно много, и привычно желала спокойной ночи. Он вспоминал и думал о ней с улыбкой, но не больше. Не горел желанием как можно скорее вернуться домой и упасть в родные объятия. Шесть лет совместной жизни не смогли воскресить в этих людях то, что погибло очень давно, не смогли перечеркнуть причины одержимости идеей мозгового сканера. Их прежний быт воспринимался рутинной. Они вместе завтракали, обедали и ужинали, временами гуляли по улицам Цюриха, разговаривая, как правило, об исследовании, вместе ложились спать и просыпались. Они занимались сексом несколько раз в неделю, в полной мере утоляя плотские потребности, но не испытывали друг к другу ровным счетом ничего. Эта симпатичная, притягательная женщина с длинными черными волосами, неотвратимо стареющая у него на глазах, стала частью жизни. Он привык к ее обществу, к ее запаху и вкусу, к ее голосу, но четко понимал, что нежности к ней нет, и не будет. Себастьян воспринимал Марту как нечто второстепенное, она могла покинуть его жизнь в любой момент, при этом не обрекая Бастиана на чувства тоски и одиночества... Ведь одиночество неизменно терзало душу. Он мог вернуться из Токио в пустой дом, найти там множество освободившихся пустых ящиков, что до этого были заполнены ее вещами, и равнодушно пойти в университет. И Марта это принимала. Когда Майер вернулся домой, она встретила его, словно разлука продлилась не больше какого-то дня.

– Ты голоден? – спросила она, едва он переступил порог.

– Совсем немного.

– Долгий перелет?

– Очень. Это тебе.

Себастьян аккуратно поставил на пол высокую коробку. Он решил привезти ей подарок.

Спонтанный порыв.

– Что это? – Марта приподняла крышку и заглянула вовнутрь. – Деревце?

– Бонсай. Я подумал, что тебе оно может понравиться.

– Красивое. Мне нравится, правда.

– Это бук.

– Что?

– Дерево. Бук.

– Я думала, что бонсай и есть вид дерева.

– Нет. Бонсай – это искусство. Японцы его очень любят. Говорят, расслабляет.

– Ты не против, если я поставлю его на стол?

– Нет. Оно неплохо впишется. Наверное.

Марта извлекла дерево из коробки и отправилась в кухню.

– Ты будешь раздеваться? – излишне громко прозвучал ее голос.

– Да. Да, иду.

В доме великолепно пахло едой. Марта всегда готовила сама и не признавала быструю пищу, которую с презрением называла «мертвой». Она увлекалась кулинарией, учила все новые и новые рецепты, заполняла многочисленные кухонные ящички разносортными специями, радуя Себастьяна яркими вкусами и ароматами.

– Мне было скучно без тебя.

– И мне без тебя, – на автомате ответил Бастиан.

Стандартный обмен любезностями, по театральному сдержанный, но привычный, как гигиена по утрам.

– Ску-у-учно, – протянула она. – В лаборатории стало совсем пусто. Кристоф постоянно сидит за ноутбуком, печатает и что-то хмыкает себе под нос. Жутковато даже.

– Скоро у нас прибавится народу, – он поймал вопросительный взгляд женщины и тут же ответил на еще незадачный вопрос: – Мы не сможем продолжать втроем. Даже если бы Сэм был жив, мы бы все равно не справились – нам предстоит много работать.

– Не больше, чем раньше.

– Сомневаюсь.

– Это будет скучно. Даже скучнее, чем твой отъезд. Никогда не любила статистику.

– Но это самое важное. Мы долго к этому шли.

– Согласна, – Марта раздраженно тряхнула головой. – Но от этого не легче. Никогда не любила статистику.

Она поставила перед ним глубокую тарелку, до краев наполненную ароматным мясом с грибами, налила бокал вина и робко поцеловала в висок. Майер размеренно поглощал ужин и пересказывал Марте все, что она уже слышала по телефону: он говорил про квартиру, в которой его поселили, про сверкающую стеклом башню «Оддукана», про вежливых и любопытных японцев, про яркие цвета и непривычные шумы Токио. Себастьян вел монолог, женщина его учтиво слушала, и каждый из них играл свою роль – изображал близкого человека. Так было проще. Всегда. Они избегали неловкой тишины, пытались заполнять паузы рассуждениями и озвученными вслух мыслями, но оба понимали, что смысла в этом немного. Невозможно заполнить разбитый сосуд, можно создать лишь иллюзию. Временами это работало.

После сытного ужина они отправились в душ, занялись сексом, легли в постель.

– У тебя был кто-нибудь? Ну, там, в Токио? – повседневно спросила она, когда в комнате погас свет. – Ты спал с кем-нибудь?

– Нет. Конечно, нет.

– И у меня не было никого... Хоть и секса не хватало.

– Ты бы расстроилась иному ответу?

– Не знаю.

Стало неловко. Вопрос прозвучал неожиданно и неестественно, даже для их отношений. Лежа в темноте своей спальни, Себастьян чувствовал себя чужим. И женщина, расположившаяся под его боком, была чужой, чужой все эти годы.

– Наверное, я бы расстроилась... – задумчиво произнесла она. – Мне было бы неприятно. Но ведь несколько месяцев прошло. Как ты справлялся?

– Я работал. Много работал. Как-то даже не думал об этом, – он хотел закончить этот разговор как можно скорее.

– Понимаю, – женщина уловила его настрой. Она замолчала и отвернулась.

Майер погрузился в сон.

Следующие несколько недель были тихими, как знойный полдень. Там, за океаном, все новые и новые копии его изобретения покидали фабричный конвейер. В соответствии с планом японцев первые экземпляры «Ноджу» в скором времени поступят в крупнейшие больницы и медицинские центры далекой страны – в первую очередь в города, определенные указами правительства. Майер ждал, когда появится первый скан, каждый день после возвращения в Цюрих инстинктивно проверял почтовый ящик лаборатории. Машине нужно время. Людям нужно время. Но ожидание убивало.

В начале декабря 2017-го пришло первое письмо, содержащее в себе зашифрованный код нейронного сканера. Дополнительно, представитель «Оддукана» сообщил, что НСГМ был установлен в пятидесяти шести больницах двадцати крупнейших городов Японии. Эпоха «Ноджу» началась.

И начало это было настолько коротким, настолько близким к кульминации новой эры, что Майер его почти и не заметил. Он вновь погрузился в работу, отдал себя ей без остатка,

кинувшись с головой в бегущий поток событий и времени. Себастьян и его группа, коллектив которой к концу года вырос до пяти человек, старательно расшифровывали и анализировали полученные данные. Они поражались тому многообразию структур человеческого мозга, какое видели на сканах, и ужасались количеству присылаемых писем: сначала их были десятки, через неделю сотни, а еще через неделю тысячи.

Спустя месяц после появления «Ноджу» в списке оборудования множества медицинских учреждений, сканирование стало платным, но желающих не убавилось. Все хотели знать, что же там – внутри. Люди становились в километровые очереди, выстраивались на тротуарах и площадях, приносили с собой спальные мешки и палатки, занимали места через знакомых и друзей, летали из одного города в другой, где, по слухам, очередь была меньше, и стойко намеревались дожидаться своего часа. Возбуждение общества быстро достигло предела, оно бурлило и кипело, но упрямо шло за истиной Себастьяна Майера. В тех очередях, что образовались в крупнейших городах Японии, выстроилась почти вся страна: здесь были старики, прожившие долгую, насыщенную жизнь, в шутку задающие вопросы «А так ли я жил? Тем ли занимался?», были молодые семьи с грудными детьми, в глазах отцов и матерей которых читалась уверенность в безупречном будущем их чада, были хмурые мужчины и женщины, бизнесмены и разнорабочие, учителя и ученики. Народ, разбитый и раздробленный, слился в единое целое.

В феврале 2018-го первый сканер появился в штатах, а в конце того же месяца «Ноджу» пришел и в Европу. Изобретение Майера захватывало земной шар, распространялось с материка на материк, как новое поколение беспощадной чумы, с каждой неделей лишь набирая обороты. К середине весны того же года сканирование стало доступным для всего цивилизованного мира, а группа Себастьяна, разбирающая тысячи и тысячи зашифрованных писем, насчитывала уже пятнадцать человек.

За цифрами сложно увидеть личность, но Майер видел их всех – прирожденных музыкантов и художников, математиков и аналитиков, ученых-испытателей и теоретиков. Он легко различал мельчайшие детали, сокрытые в скане, и писал рекомендации для каждого отдельного случая, будь то превосходные данные для занятий спортом или вполне посредственная картина «медианы».

Но он не мог следить за всем и сразу, не мог быть всеведущим и боялся пропустить нечто важное в одном письме из миллиона. С увеличением числа аналитиков в лабораторной группе, уменьшался процент сканов, что попадали в его руки, и это тревожило. Марта чувствовала его озабоченность, знала, как он нередко просыпается по ночам и в могильной тишине смотрит прямо перед собой отсутствующим взглядом, обуреваемый страхами и волнением. «Что тебя тревожит, Бастиан?» – как-то спросила она за ужином. – «Чего ты так боишься?» И он действительно боялся, он злился и нервничал, когда понимал, что очередной рассматриваемый им скан не скрывает в себе особенностей и аномалий. Ведь кто-то в этот момент мог анализировать данные совершенно иные. Уникальные. Данные человека, подобного «Джону».

Джон. Так Майер говорил на интервью. Себастьян не мог сказать, почему решил изменить настоящее имя брата. Да и изменение это было поверхностным, не очень изобретательным.

– Его звали Жозеф, – сказал он, когда закончил с ужином.

– Жозеф?

Он никогда не рассказывал о своем прошлом, не посвящал ее в давние тайны. И дело не в том, что минувшее являлось чем-то священным – он просто не хотел его ворошить.

– Его называли в честь Буамортье. Был такой композитор в восемнадцатом веке, – Себастьян лениво отмахнулся. – Родители любили подобные параллели... Ладно хоть мне повезло больше, могли назвать и Брамсом.

– Так у тебя был брат? – вкрадчиво спросила Марта. – Ты никогда о нем не говорил.

– Не говорил. Незачем было, знаешь. Не хотел вспоминать.

Он рассказал ей, что история о слепом мальчике с больным мозгом и уникальным слухом правдива. Лишь с поправкой на имя.

– Я боюсь пропустить того, кто похож на Жозефа. Это важно, понимаешь? Я должен увидеть, должен понять, как устроен его мозг. В этом весь смысл.

Жозеф Вильгельм Майер и был смыслом. Себастьян прекрасно помнил, каким было их детство, помнил, как звучал плач матери, и звенела в ушах отцовская «любовь». Теперь уже он не злился, по крайней мере, не так, как раньше. Ему удалось подавить в себе обиду и ярость, но вспоминать все равно не хотелось. Ведь память хранила боль.

– Мы родились с разницей в несколько минут. Себастьян и Жозеф, – он сморщился и сдвинул виски. – Отец тогда дирижировал в государственной опере... Он был видной фигурой в мире музыки и приехать к матери смог лишь на третий день после родов. Она уже все знала.

Один из мальчиков родился дефективным. Слепым. В то время как маленький Себастьян востро плакал и привлекал к себе внимание докторов и матери, Жозеф беззвучно лежал в больничной кровати.

– Потом – хуже, – Майер мрачно покачал головой. – Аутизм, деменция... Когда нам было лет по шесть, он каждый день был другим: порой мычал без умолку и на ощупь бродил по дому, а порой мог простоять пару часов на одном месте, чтобы потом внезапно заорать. Пугал мать и меня.

Ламмерт Майер был гениальным дирижером, успешным, ярким. И горделивым. Первое время у него еще получалось жить с калекой в семье, получалось справляться с досадой, прогрызающей дыру внутри каждый раз, когда он смотрел на слепого сына. Но потом в нем что-то сломалось.

– Отец начал пить, когда мне было лет семь, – Себастьян пожал плечами и продолжил: – Плюс-минус. Я тогда уже ходил в школу, там, в Берлине. Он еще какое-то время работал, но... Сложно, наверное, дирижировать, когда у тебя постоянно болит голова и дрожат руки. В конечном счете, его уволили. Попросили уйти, деликатно, в знак уважения к блестящему прошлому.

Когда мальчишкам исполнилось по восемь, Майеров едва не выгнали из собственного дома. Долги семьи росли, а тех денег, что зарабатывала мать, не хватало на все. Она писала музыку, играла в небольших заведениях по вечерам, преподавала...

– Но дома музыка почти не звучала. Отец не мог слышать звуки рояля – он моментально взрывался и впадал в истерику. Мама часто плакала. В общем, было тяжело. Хоть и не так тяжело, как потом.

Их положение спас богатый посетитель одного из ресторанов, в котором играла мать Себастьяна. Мужчина обратил внимание на ее мастерство, оценил шарм репертуара и предложил Беате Майер скромную подработку – играть в его особняке, расположенном на окраине Берлина, пару раз в неделю. Выбор композиций наниматель оставлял за пианисткой. Иных вариантов у семьи не было, поэтому мать слепого мальчика согласилась.

– Дела не шли в гору. Отец пил, пока мама работала, а когда она возвращалась домой, он хмуро осматривал ее с ног до головы, пытаясь страшным перегаром и пьяно покачиваясь. А потом он совсем сорвался...

Себастьян плохо ладил с другими детьми. Учителя его обожали – мальчик был действительно одаренным, но общая картина была нерадостной. Уже в девять лет он страдал от постоянных насмешек и оскорблений сверстников, его подначивали, пытались вывести из себя, доводили до слез, а затем еще сильнее дразнили.

– Меня унижали. Я не таю зла на этих людей, мы ведь были детьми... Но горечь все же осталась. В конечном счете, и я не выдержал. Конрад Нойманн и его друзья решили в очередной раз надо мной подшутить, – вспоминая тяжелое прошлое, Себастьян упрямо смотрел в пол. – Между школой и домом была пара кварталов... Не особо далеко, если бы не одно место... –

он поднял глаза на Маргу и покачал головой. – Дом. С железным забором из ржавых прутков и темной покатою крышей. Там было два чердачных окна и огромная входная дверь. Я видел лицо каждый раз, когда смотрел на этот дом. Он меня пугал.

Возвращаясь домой после школы, он старался как можно скорее миновать страшное место, чувствовал, как колотится сердце, ощущал темную громадину дома над правым плечом, словно тот был немой, но явной угрозой. Но не один лишь дом был пугающим: за тем ржавым забором на толстой, скрипучей цепи сидел пес.

– Это был настоящий монстр. Порода я не знаю, не разбираюсь как-то. Но псина была большой и странной.

– Странной? – Марта впервые подала голос.

Все это время она заморожено слушала таинственную историю Себастьяна Майера, не решаясь его перебивать.

– Пес редко лаял. Очень редко. Чаще всего он сидел у самой границы забора и смотрел на проходящих мимо людей. Но в тот день, когда Конрад с друзьями настигли меня, собака была на взводе.

Себастьян повернул с одной улицы на другую, и его глазам предстал привычный вид – гладкое заасфальтированное полотно, заставленное с обеих сторон стройными, высокими деревьями, стрелой уходило вперед. Оставалось лишь несколько сотен шагов. Несколько сотен шагов до спасительной двери дома Майеров, до отца, заплывающего жиром в протертом гостинном кресле, до брата, в темноте и незнании проживающего бессмысленную жизнь... Оставалось лишь несколько сотен шагов, большую часть из которых предстояло пройти мимо жуткого дома. Очередной бой очередного дня. В скором времени Себастьяну предстояло узнать, что есть вещи и пострашнее мрачного особняка.

– Пес начал лаять, как только я приблизился к забору. Он громыхал на всю округу, как дьявольский колокол. Я ринулся было бежать, но мне не дали.

Себастьян пробежал ворота, когда его остановили. Конрад Нойманн появился внезапно, вырулил перед Майером на своем блестящем велосипеде, едва не сбив с ног напуганного мальчика. Пес надрылся и брызгал пеной, клацал челюстью у самых металлических прутков забора. Ржавая цепь вытянулась в струну, натужно скрипя под напором тяжелого зверя.

– Гав! Гав! – Конрад перегнулся через руль и нелепо передразнивал пса. – Гав, Басти!

Еще двое мальчишек подъехали к Себастьяну сзади.

– Испугался? Гав! Гав!

– Испугался, видно же, – один из друзей Нойманна двинул велосипед вперед, ткнув Майера колесом. – Смотри, ноги трясутся.

– Куда ты так спешишь, Басти?

– Чего вам надо? – Себастьян затравленно озирался, тщетно пытаясь найти спасение.

Но спасения не приходило. Была лишь троица неприятелей, обступивших его с трех сторон, и высокий железный забор из редких прутков с четвертой.

– Ты нам не нравишься, Басти, – медленно проговорил Конрад. – Никому не нравятся зазнайки и выскочки.

– Дайте мне пройти! – жалобно проскулил Майер.

Ему было девять лет, почти десять. И ему было страшно. Он хотел как можно скорее оказаться дома, услышать, как мерно бубнит телевизор и утробно храпит пьяный отец, хотел увидеть слепого брата, забиться в свою комнату, сделать уроки и с нетерпением, как это всегда бывало, ждать возвращения матери. Себастьян хотел оказаться где угодно, только не здесь – хоть в жерле вулкана, но лишь бы не перед этими злобными детьми и не в метре от огромного пса.

– Ты торопишься домой, да? – проникновенно спросил Нойманн. – А правда, что твой отец пропойца?

Вопрос резанул слух Себастьяна Майера.

– Говорят, он не выпускает бутылку из рук, – продолжал Конрад. – И почти не выходит из дома... А если и выходит, то только за новой бутылкой.

– Это ложь, – севшим голосом промямлил Бастиан.

Но слова Нойманна были правдой. Себастьян все понимал и видел – как отец просыпается в обед, тащится на кухню, раздираемый ужасной головной болью, и делает свой первый глоток. А если глотка не оказывается, то великий дирижер воеет, как раненый зверь, с невероятным трудом одевается и ползет до ближайшего магазина, бережно сжимая дрожащими руками найденную в доме мелочь. Отец завтракает спиртным, затем заваливается в свое любимое кресло, включает зомбирующие телепередачи и продолжает накачивать себя обжигающей жидкостью до самого ужина. До возвращения матери.

– А еще говорят, – Конрад склонил голову и ехидно посмотрел на Майера, – что у тебя есть брат-близнец.

– Брат-урод, – выплюнул один из мальчишек.

– Урод, – закивал Нойманн. – Расскажи, какой он, Басти.

Себастьян слепо смотрел перед собой, с трудом разбирая, как шевелятся губы Конрада. Майер не слышал слов, не слышал вопросов – мир замолк после слова «урод».

– Он хотя бы говорить то умеет? Вы его кормите с ложечки, как немощного старика?

Ребята веселились. Они заливисто смеялись, порой перебивая смехом дикий лай исполтинского пса. Конрад хохотал, запрокинув голову и держась за живот. Он не сразу понял, как и почему смешок застрял в горле, не мгновенно осознал, из-за чего дышать стало тяжело, а шею пронзила боль.

– Я схватил его за кадык. Не мог себя контролировать, сознание просто отключилось. Схватил, рванул, а потом...

Себастьян налетел на Конрада, крепко вцепился ему в горло, чувствуя необъяснимую мощь гнева, и отбросил в сторону новенький велосипед.

– Он не урод! – хрипло шипел Майер. – Он не урод!

Друзья Конрада, остолбенев, смотрели на внезапную и пугающую ярость робкого мальчика. Они видели, как исказилось лицо Бастиана, как зловеще заблестели его глаза, и не решились вмешаться. Себастьян впечатал Нойманна в ржавые прутья забора. Крепко держа за горло, ударил Конрада по лицу свободной рукой, а потом еще и еще раз. Ему было страшно и больно, но он хотел, чтобы этому противному мальчишке, который обижал его на протяжении нескольких лет, было еще больнее.

– А потом... – Себастьян отвел взгляд. Марта напряженно слушала. – Потом он начал орать.

Щели между прутками были широкими. Достаточно широкими, чтобы в них смогла пролезть голова мальчика. Когда Себастьян прижал Конрада к забору, левая рука Нойманна оказалась по ту сторону металлической ограды. Майер нанес удар, второй, третий... А потом его оглушили вопли всей троицы. И на фоне их криков, Бастиан слышал противный хруст.

– Пес набросился на паренька, – доктор замолчал, и, казалось, не хотел продолжать.

– Что он с ним сделал? – робко спросила Марта.

– Вырвал плечевой сустав. В крошку разжевал предплечье. Пес едва не оторвал ему руку...

Конрад дико кричал Себастьяну в лицо, а вылетевшая из сустава головка кости выступала сантиметров на десять ниже плеча. И повсюду была кровь. Майер стоял перед искалеченным мальчиком и с ужасом смотрел на отвратительно-неестественный изгиб его левой руки. Спутники Нойманна, моментально растерявшие задорный энтузиазм, бросились бежать. Ребята наверняка обделались. Себастьян и его обидчик остались один на один.

– Но он так орал, боже... Ты бы видела его глаза. Никогда их не забуду.

Он смотрел на изувеченную руку, на кровь, хлещущую фонтаном, и орал во всю глотку.
– И что ты сделал?

Майер встал из-за стола, прошелся по комнате и остановился у окна.

Себастьян звал на помощь. Надрывался, обливаясь слезами, и кричал:

– Помогите кто-нибудь! Пожалуйста, помогите!

Лишь страшный лай пса и вопли Конрада оглашали безлюдную улицу. Тогда Майер побежал. За считанные секунды он долетел до дома, настезь распахнул входную дверь, нашел развалившегося в кресле отца и, дрожа всем телом, начал трясти Ламмерта.

– Ч-что? – пьяница сонно открыл глаза и уставился на сына так, будто видел его впервые.

– Мальчик! – хныча, выдавил из себя Бастиан. – Ма-мальчик т-там. Его собака покусала.

– Сам виноват, – равнодушно процедил отец. – Нечего было лезть.

– Нужен врач, папа. Т-там кровь, везде кровь.

Взгляд великого дирижера медленно прояснялся. Мальчик стоял перед ним и трясся, как потревоженная струна, а красные пятна на его одежде вопили о правде. Ламмерт с трудом поднялся с ложа и последовал за сыном. Конрад был там, где его оставил Себастьян – он лежал в крови у ржавого забора, стонал и пялился на изуродованную руку. Лицо Нойманна страшно побледнело, а рядом весело блеснул хромированный металл велосипеда.

– Отец протрезвел за секунду. Он вызвал скорую и, охая, топтался возле Конрада до самого прибытия врачей, – Майер вернулся за стол и сильно сжал виски. – Я думал, что парень умрет.

– Но он выжил?

– Да. Ему даже руку залатали, осталась лишь пара шрамов. Несколько месяцев, и Конрад уже был как новенький, – Себастьян посмотрел на Марту и горько усмехнулся. – А вот мои раны заживали гораздо дольше.

Отец и сын вернулись домой. Ламмерт закрыл входную дверь, повесил на крючок легкое пальто, что впопыхах накинул на плечи двадцатью минутами ранее, и повернулся к сыну. Дирижер был хмур.

– Что ты натворил? – медленно произнес он. – Это твоя вина, я чувствую. Что ты натворил, мальчик?

Ламмерт сверлил сына взглядом и возвышался над ним мрачным исполином.

– Я-я-я... – Себастьян сжался перед отцом. – Я ничего не делал.

– Ты врешь мне, – покачивая головой, произнес мужчина. – Не смей мне врать, мальчик, слышишь? Я знаю, что какие-то сосунки из школы тебя достают. Это один из них?

– Я ничего не делал, – слабо простонал Бастиан.

– Это один из них?! – взревел отец. – Говори! Говори, а не то я выбью из тебя правду!

– Д-да. Это Конрад Нойманн, о-он... Он и его д-друзья напали на меня.

– Да мне срать, как его зовут! Ты хоть понимаешь, что ты натворил?!

Себастьяну никогда не было так страшно. Ничто не могло сравниться с этим – с ужасным образом отца, готового наброситься на сына. Померкло все: жуткий дом с ржавым забором, школьные обидчики на блестящих велосипедах, огромный пес с окровавленной пастью. Остался только этот момент.

– А потом пришла мать. Она всегда приходила поздно, к вечеру. Но в тот день мама вернулась рано.

Беата вошла в дом, когда Ламмерт орал на сына. Она четко слышала каждое слово мужа и, охваченная страхом, не могла пошевелиться.

– У меня могло быть два нормальных сына! Понимаешь, ты? Два! – отец брызгал слюной и тарачил глаза. – Ты забрал себе все лучшее. Ты обокрал брата! Ты, ты во всем виноват...

– Ламмерт! – женщина забежала в комнату и застыла на пороге. Ее губы дрожали, руки тряслись, а по лицу бежали крупные слезы. – Что ты такое говоришь? Как ты можешь?

– Я говорю правду, – брезгливо бросил дирижер. – Чистую, мать ее, истину. У нас могло быть два здоровых мальчика. Но вместе этого – один урод, а другой тупица, который считает себя слишком умным, – он перевел взгляд на Себастьяна. – Ты хоть понимаешь, чем обернется твой поступок? У нас заберут все. Скажи мне, умник, это уложится в твоём курином мозгу?

– Ламмерт! – невероятно громко прокричала мать. – Прекрати! Как ты можешь говорить такое?!

– Заткнись, – утробно прорычал отец. – Закрой свою пасть, шлюха. Чего рот раскрыла? Думаешь, я не знаю, за что тебе платит тот богатеи? Сядь в угол и не вякай.

Ламмерт приблизился к Себастьяну. Он был все ближе и ближе – мальчик чувствовал, как от отца разит спиртным, но явней всего Бастиан ощущал собственный страх, сковывающий и обездвиживающий.

– Мать бросилась на него, – Майер заломил руки и уставился в бок. – Она рыдала и просила его остановиться, но Ламмерт уже все решил. Он избил нас. Меня и мать. Выбил ей два зуба и чуть не лишил глаза.

– Боже... – выдохнула Марта.

– А потом он ушел. Забил маму до потери сознания, меня отпинал... И просто ушел. Накинул на плечи свое древнее пальто и исчез. Навсегда. Мы его даже не искали. Врач, что ставил маму на ноги, хотел обратиться в полицию, предлагал помощь. Но мать отказалась. Ушел, и ладно, говорила она. Так лучше. Всем.

Себастьян замолчал, смущенно уставившись в сторону, а Марта Бремер смотрела на него, смотрела на человека, рядом с которым провела шесть непростых лет, и пыталась подавить слезы. Прошлое Майера было мрачным, гораздо темнее того, что она могла себе представить.

– А потом, – Бастиан хотел закончить рассказ. Когда начинаешь изливать душу – остановиться непросто. Особенно, если грязь копилась в мыслях на протяжении многих лет. Десятилетий. – Потом Жозеф и проявил свой талант. Когда отец ушел, мама снова начала играть дома.

– Лунная соната? – Майер слабо кивнул. – Помню, ты говорил о ней на интервью.

– Только тогда я не сказал главного. Это была третья часть сонаты, третье действие. Сложное произведение – мать учила его несколько недель. А Жозеф просто сел и...

– Сыграл.

– Сыграл. Гладко и ловко, словно занимался этим всю жизнь. Я бы даже сказал – виртуозно. Мать едва сознание не потеряла, когда он начал.

– Могу представить.

– Нет, – выдохнул Бастиан. – Не можешь. Не можешь, поверь. Говорят, что больных детей любят особенно сильно, но у всего есть предел. Даже у материнской выдержки и терпения. Жозеф был обузой для всех, и мама это знала. Живым мертвецом. Но тогда, в тот самый миг, когда он сел за рояль, мать вновь обрела погибшего сына.

С уходом Ламмерта дела семьи пошли на лад. Иронично, но ревность оказалась обоснованной – Беата продавала щедрому меценату не только свое музыкальное мастерство. С исчезновением мужа пианистки богатеи утратил прежнюю скромность.

– Я не виню ее. Никогда не винил – она заботилась о нас так, как могла. К тому же, я был мал и не понимал простых истин, – Майер инстинктивно сжал виски. Головная боль еще не пришла, но близость ее уже ощущалась. Мигрень всегда сопровождала воспоминания, словно тайно хранилась в памяти. – Мама хотела, чтобы отец ушел. Уверен, так и было. Да что скрывать, у меня порой возникало чувство, что весь мир ждал его ухода.

– Мне так жаль, Бастиан.

– А мне нет. Правда. Отец исчез, и все изменилось: у нас стали появляться деньги, в тихом доме зазвучала музыка, постоянный запах алкоголя уходил в прошлое. Покровитель матери замял дело с Нойманном, заплатив семье Конрада приличную сумму. Плюсов явно было больше. Жозеф даже начал говорить. Не сразу, конечно, месяцев через пять, – он горько

усмехнулся. – В десять лет он говорил, как годовалый – лишь самые простейшие слова. Но брат быстро учился.

К одиннадцати годам Жозеф Вильгельм Майер освоил речь. Врожденные дефекты мозга не исчезли с уходом отца, но мальчик оживал. Даже приступы кататонии появлялись все реже и реже.

– Но знаешь, он все равно оставался... Жутким. Пугающим. Самым страшным было то, что он все понимал.

– Понимал?

– Жозеф знал, что он другой. Спрашивал у матери, что с ним не так, и требовал честного ответа. Мама штудировала медицинские справочники и покорно пересказывала все, что там находила: названия заболеваний и расстройств, их симптомы и способы...

«Лечения», – хотел сказать Себастьян. Вот только дефекты Жозефа были неизлечимы.

– В общем, она давала ему то, что он просил. Зря или нет – уже неважно. Но я четко помню один момент, – Майер заворожено смотрел в одну точку. Глаза его остекленели. – Когда мама говорила ему про аутизм, про его эффекты и проявления. Она читала список медицинских терминов и поведенческих особенностей, а когда дошла до фразы о сложности поддержания больным зрительного контакта, Жозеф рассмеялся.

– Ч-что? Почему?

– Он сказал: «Ну, хотя бы с этим мне повезло. Проблем не будет». Понимаешь? Проблем не будет. Конечно, ведь слепому не нужно переживать о зрительном контакте.

– Господи... – протяжно выдохнула Марта. – Себастьян...

– Да-а-а, паршивенькое было детство.

– А как он умер? То есть... Ты говорил про опухоль. Так и было?

– Не знаю. Наверное. Мать отправила меня на летние курсы для одаренных детей, когда мне было тринадцать. Жозеф умер до моего возвращения. Мама сказала, что мозг его все-таки убил.

– Боже, Бастиан! – Марта схватила его за руку и крепко сжала ладонь. – Мы найдем того, кто тебе нужен. Мы найдем правду.

– Но я могу ее не увидеть. Нас становится много, и много приходит сканов. Я могу его упустить, упустить моего Жозефа.

– Нет. Ты не упустишь. Я попрошу ребят из группы оповещать тебя обо всех аномалиях, обо всех отклонении от медианы. Ты его не упустишь.

Марта ослабила хватку, встала из-за стола, подошла к Себастьяну и нежно обняла его. Искренне нежно. Впервые за все прошедшие годы. История Майера открыла для нее нечто такое, что ранее было недоступно. Марта Бремер стала чуточку ближе.

Она сдержала свое обещание на следующий день: собрала группу аналитиков и скромно высказала свою просьбу. Люди, которых Себастьян Майер, обеспечил работой, с готовностью согласились. Они продолжили свой кропотливый труд и внимательно отбирали те сканы, что могли заинтересовать Изобретателя. Каждый новый член лаборатории Цюрихского университета, коих в последующие годы становилось все больше и больше, следовал этому простому правилу – следовал за истиной Бастиана.

Весь 2018 год группа Майера собирала данные. На почтовый ящик университета сыпались письма со всего земного шара: из Японии и Китая, из стран Европейского союза и американских континентов, из России и бывших республик великого Союза. Сканирование мозга изначально стало модой, фетишем для многих. Не смотря на растущую в прогрессии стоимость одного скана, интерес мирового общества к «Ноджу» не угасал. Люди всех возрастов, профессий и цветов кожи шли, чтобы узнать, какие тайны скрываются за бурным потоком повседневных мыслей, бытовых и рабочих проблем. Появлялись те, чья жизнь кардинально менялась после обследования – серая масса рабочих и продавцов окрашивалась в яркие цвета и попол-

няла ряды художников, писателей, музыкантов, скульпторов, спортсменов. Люди узнавали, в чем они сильны, и испытывали себя в совершенно неизвестных, чуждых для них ремеслах, достигая за короткое время небывалых высот, обеспеченных генетикой. 2019 год стал годом рассвета искусств и спорта – никогда прежде, ни в один временной промежуток, человечество не видело такого обилия гениальных общественных деятелей. Аналогичная тенденция наблюдалась в науке, в политике, в археологии и в медицине. «Ноджу» изменял мир. Стремительно и бесповоротно.

Но весьма неоднозначно – при должном упорстве серость вытесняется красками, но сама она, серость, в процессе может почернеть.

Новые гении творчества пришли в уже занятую нишу и без лишних слов вытеснили из нее тех, кто был там прежде: недохудожников, чьи творения несильно отличались от детской мазни, бездарных композиторов, кто кичился умением популяризировать набор вульгарных звуков, называя это музыкой, ленивых бумагомарателей, штампующих свои бессмысленные произведения по безликим и доступным шаблонам. Те, чье раздутое эго разрушило бесспорное превосходство мастеров, остались обиженными и недовольными. Сканер уничтожил их жизни. Таковой оказалась обратная сторона монеты, имя которой «Ноджу», и это была лишь первая фаза наступившей эпохи.

К 2021 году сканирование перешло в повседневность. Как и предвещал мистер Грей на давнем интервью, результаты обследования стали документом. В начальных школах детей определяли в разные классы, соответствующие их способностям. Почти в каждом престижном университете, колледже или институте требовали наличие скана при подаче вступительных документов, а крупнейшие мировые корпорации вербовали самых лучших.

Себастьян Майер в те годы продолжал поиски своего Жозефа. Он искал и находил. Доктор поражался увиденным аномалиям, лично приезжал к уникальным инвалидам и проводил с ними немалое количество часов за многогранными беседами, делал записи и неустанно анализировал. Он был вдохновлен и возбужден: каждый отдельный случай становился особенным, но всех объединяло одно – дефектный мозг превосходил все другие в чем-то ином, в какой-то конкретной характеристике, что приводила к невероятным результатам. Абсолютный, неестественно точный слух Жозефа служил примером.

Себастьян встречал прикованных к креслу, умирающих людей с феноменальной памятью, видел шизофреников с вычислительными способностями, которым мог позавидовать любой современный компьютер. Майер беседовал с постоянно засыпающим нарколептиком, чьи лингвистические навыки казались невозможными – мужчина разговаривал на исчезающих и исчезнувших языках так, словно учил их с детства. Феноменов было много.

Все лето 2021 Себастьян и Марта провели в разъездах. Они возвращались в лабораторию, брали очередной отчет с пометкой «S», приготовленный кем-то из аналитиков, связывались с родственниками уникама и отправлялись в путь. Пекин, Мадрид, Нью-Йорк, Мехико. Не было никакой закономерности – подобно звездам на ночном небе, сверходаренные случайным образом появлялись по всей Земле. Когда ученые вернулись домой в конце августа того года, Майер чувствовал себя счастливым.

– Ты доволен, – ровно сказала Марта, наблюдая за тем, как Бастиан перечитывает свои записи.

– Это так заметно? – он отложил блокнот и слабо улыбнулся. – Я очень доволен нашим трудом.

– Никогда не видела тебя таким. Даже непривычно.

Она забавно пожала плечами и присела на край кровати. Себастьян сидел за столом, ровную поверхность которого избородили едва заметные отпечатки времени. Он сцепил пальцы в замок и выжидающе смотрел на Марту.

– Что? – она вскинула руки, словно сдаваясь.

– Спрашивай. Я же вижу, тебя что-то заботит. Задавай свои вопросы.

– Что в них такого? Почему ты готов ехать к ним хоть на берег северного моря? Если ты скажешь, что это все только из-за Жозефа – я не поверю. Теперь уже нет, раньше могла, но не теперь, – она выставила руку вперед, не давая ему заговорить. – Это не обвинение, нет. Я испытываю тот же интерес, что и ты, но... Ты весь прям светишься, Бастиан. Ты бы себя со стороны видел во время всех этих разговоров...

– Все здесь, – он закрыл блокнот и с нежностью провел по нему ладонью. – Но я скажу.

Майер поднялся из-за стола, размял затекшие конечности и шагнул к кровати. Сев рядом с Мартой, Себастьян приблизился к ней, пристально посмотрел в глаза и твердо произнес:

– Они сильнее. Это сложно увидеть на сканах, но все же есть кое-что. Я долго изучал нейронное распределение, не сразу понял, в чем суть, но потом до меня дошло. Мы определили медиану в восемьдесят миллиардов нейронов, – Марта коротко кивнула. – У наших же ребят их меньше, порой даже значительно, но... Те области мозга, которые и дают им неординарные особенности, типа слуха Жозефа...

– Развиты как у тех, кто выше медианы. Я это видела.

– Это не все. По количеству нейронов ты права, а вот по их качеству, – Марта удивленно вскинула бровь, но перебивать не стала. – Они ярче и мощнее, время отклика меньше, а пик потенциала выше. Разница небольшая, но она есть.

– Она может быть в пределах погрешности.

– У всех и сразу? Нет, – выдохнул он. – Тут не в погрешности дело, я уверен. Каждый раз, сравнивая данные полностью здоровых и дефективных «гениев», я видел одно и то же. Можно даже составить статистику, если очень постараться.

– И зачем она? Статистика? Какой в этом смысл? – она слабо пожала плечами. – Я ведь тоже об этом думала, о наших поездках. Тебе не кажется, что это некий закон сохранения? Как закон энергии или масс? Где-то убывает, а где-то добавляется.

– Но итоговая сумма очень далека от медианы... У меня есть идея. Всего лишь предположение, но... Сканер когда-то тоже был эзотерикой, даже для нас, – он сделал паузу, а затем тихо произнес: – Это эволюция. То, что мы видим в этих людях. Будто какой-то не совсем удачный эксперимент, в результате которого часть мозга непоправимо пострадала, а другая часть получила невероятный бонус.

– Звучит интересно.

– А что если, – его глаза яростно блеснули. – Если есть вероятность идеального эксперимента? Только представь себе человека, чей мозг полностью развит так, как эти «бонусные» части дефектных образцов.

– Это уже совсем фантастика, – рассмеялась Марта.

– Причем научная, – Себастьян тепло улыбнулся. – Хотелось бы мне увидеть такого человека, рассмотреть его через призму НСГМ. Очень хотелось бы.

– Понимаю. И мне.

Марта пододвинулась поближе и протянула руки. Бастиан аккуратно приобнял ее и замер.

– Ты слишком много работаешь, Себастьян Майер. Иногда мне даже кажется, что ты робот, – она отстранилась от него и пристально посмотрела в глаза. – Но нет, вроде. Живой человек.

– Таков уж я от природы. Так было всегда. И так будет.

– Да, – печально выдохнула она. – В этом весь ты.

«И так будет», – сказал Себастьян Майер в 2021 году. И так было. До лета 2027-го.

Глава 3. Протеже

– И что будем делать теперь?

Энди уныло помешивал остывший кофе. Работа в Центре ему нравилась, но только не по утрам – утром он ненавидел весь мир. Серые люди и хмурые лица, сонные толпы в метро и на улицах, низкое небо, квадрат которого едва виден в тесных промежутках темных небоскребов, ленивый рокот городской жизни... Все это давило дискомфортом вечной рутины, но Андрас Ланге старался не унывать. Не проявлять слабость хотя бы внешне. И получалось у него почти всегда, кроме первых утренних часов.

– Алан, чтоб тебя! На часах семь тридцать, отложи ты свои бумажки хоть на минуту.

Пожилой мужчина тяжело вздохнул, посмотрел на Энди поверх тонкой оправы древних очков и послушно сложил руки перед собой. Алан Саммерс слыл отшельником, слишком замкнутым даже для сотрудника Центра. При этом он легко реагировал на все выходки Ланге, хоть и познакомились они лишь несколько дней назад. У Андраса не было времени узнать его поближе, но старик ему явно нравился, не смотря на все различия между ними.

– Твою же за ногу, а! – Энди вскочил с широкого подоконника и прошелся по лаборатории. – Ты мне можешь хоть что-нибудь рассказать? Я как чертов агнец – ничего не понимаю. Что за исследование? К чему такая тайна?

– Ты знаешь ровно столько, сколько можно. За всем следит Государство, а им точно не понравится, если я начну разглашать секреты.

– Да и к черту их! – он запрыгнул на огромный металлический стол, расположенный по центру комнаты. – Знаешь, это бесит. Реально бесит, – лицо Алана оставалось непроницаемым. – Да брось!

– Ладно, – Саммерс поднялся со стула и подошел к кофейному аппарату. Машина резво загудела, по лаборатории распространился терпкий запах свежего кофе. – Давай так: ты будешь задавать вопросы, а я буду отвечать на те из них, что покажутся мне... Приемлемыми.

– Ох-е-е-е, – вскинув руки, протянул Энди. – Вот это щедрость! Ладно, папаша, по рукам!

– Только не все сразу. Давай постепенно.

– Ладненько! Вопрос первый: что вообще происходит? – Андрас хлопнул в ладоши и поднял вверх указательный палец. – Уточню: я в Центре совсем недавно, полгода еще не прошло. И вдруг! Бам! Меня переводят на сверхсекретный проект самого Алана Саммерса. С чего бы это?

– У тебя хорошие данные, – пожав плечами, произнес старик.

– Так ты смотрел мой скан? – Алан кивнул. – Все равно не понимаю. Я ничуть не лучше остальных. Даже в универе меня зачислили далеко не в самый сильный поток.

– Я решил, что ты сгодишься.

– Сгожусь? – Энди удивленно повел бровью. – Для, мать его, чего?

– Следующий вопрос.

– Ох-хо-хо, мужик! Ты меня прям дразнишь!

Алан мимолетно улыбнулся и вновь пожал плечами.

– Ладно, едем дальше. Что за хрень с Майером?

Саммерс сделал большой глоток кофе, громко причмокнул губами и произнес:

– Конкретнее.

– Это тот самый Майер? Себастьян Майер? Изобретатель?

– А ты как думаешь?

– Я хрен его знает, Алан. Уже два дня копаюсь в уцелевшей сети, но не могу ничего найти о Майере, кроме километровых статей в научных журналах. Ни фото, ни видео... – Энди покачал головой. – Я думал, он мертв.

– Ты ошибался.

– Ошибался... Он сейчас снова в отключке?

Алан кивнул.

– В кататоническом ступоре.

- Это так твоя бумажка подействовала?
- Кто знает? – хмыкнул Саммерс.
- Думаю, ты.

Взгляд Алана стал жестким лишь на секунду. Уже через мгновение он вновь равнодушно и спокойно смотрел на Андраса, но Энди успел заметить эту перемену. И ему она не понравилась.

- Еще вопросы?

– Уйма, док. Что с ним не так-то? Просто скажи. Как он к нам попал вообще? Он потерял память, да? Почему Майер так важен?

– Он... – Саммерс запнулся, прочистил горло и сделал еще один глоток. – Он пострадал. Себастьян помнит лишь некоторые эпизоды из своей жизни.

- У него был инсульт? – Алан не ответил. – Твою мать...

– Его память, как река с дамбой. И даже не с одной. Мы не представляем, сколько их там.

– Мы? Кто мы? Я здесь видел лишь тебя и пару охранников вот с такой шеей, – Энди поднял руки к вороту и показал широкий круг. – А, еще уборщица была. В Центре народу полно, но тут, в твоей лабе, хоть морг сооружай – ничего не изменится.

- Мы – это я и... Начальство.

– А-а-а-а, – протянул Андрас. – Те ребята, что затыкают тебе рот.

– Не начинай, Энди. Ты мне нравишься, но прекращай уже. Мы, и сейчас я говорю про нас с тобой, все-таки исследователи, а не разнорабочие на стройке. Хоть немного следи за языком.

– Все, все, папаша. Считай, прекратил. Давай остынем и вернемся к моим вопросам. Ты сказал, что Майер ни черта не помнит, но на нашем, – Ланге изобразил кавычки, – «интервью» он вещал вполне бодро.

– Его мозг выходит из ступора в определенные моменты, в конкретных ситуациях. Мы не до конца понимаем, как это работает, но оно дает свои результаты.

– Что за дерь... – Энди поймал суровый взгляд Алана и осекся. – Ладно-ладно, прекратил.

– Хорошо, – Саммерс приветливо улыбнулся. – Я понимаю твою растерянность. Ситуация и правда загадочная.

– Загадочная? Загадочная, док? Seriously? Если мне не изменяет память... – Андрас неуютно поморщился. – Уж прости за каламбур, я не специально.

- Да ничего. Я же не на месте Майера, как-никак.

– В общем, если мне память не изменяет, то над главным входом в нашу скромную обитель висит здоровая такая металлическая табличка с огромными такими буквами, которые, насколько я видел сегодня утром, гласят: Центр патологий и мозговой диагностики имени...

- Себастьяна Майера. Все верно, ты в здравом уме.

– То есть, в Центре имени Майера изучают Майера. Вот так ирония. Как это вообще произошло? Как он попал сюда? Да, мать ты людская, ему должно быть лет сто...

- Семьдесят два, – вставил Алан.

– Семьдесят два?! Вот этому мужику семьдесят два?! Да ему на вид не больше сорока.

С каждым новым ответом Саммерса вопросы лишь множились, и это злило. Раздражало так, что руки тряслись, а лоб покрывался испариной. Неведение – худший удел. Андрас и без того наелся его сполна.

– Даже не понимаю, и почему я тебя терплю... – Алан задумчиво почесал двухдневную щетину. – Здесь не чертов университет, Энди, а у нас ни разу не библиотека, в которой тебе зажали нужную книжку. Если чего-то знать не положено, значит действительно не положено. В первую очередь потому, что это может быть опасно.

– Опасность – мой удел, док! – насмешливо произнес Андрас. – Но я тебя понял. Правда, понял. Меня это не радует, но... Нельзя так нельзя, я не тупой.

– Я знаю. И хватит вопросов на сегодня.

– Погоди-погоди! Давай последний.

Энди вскочил со стола, метнулся к окну и осушил до дна оставленную кружку холодного кофе. Он медленно провел языком по губам и вкрадчиво произнес:

– Кто такая Эстер?

В ответ Саммерс лишь покачал головой, угрюмо поджав губы.

– Черт! Мне надо выпить. Ты меня в депрессию вгонишь.

– Всеу свое время, Энди. Секреты на то и секреты, что в них не посвящают первых встречающих.

– Эй, стоп! Ты же сам меня позвал в свою «команду». И теперь дуришь, как школьницу.

– Как наивную школьницу, – улыбнулся Алан.

– Чтоб тебя... – буркнул Андрас. – Ладно, док. Буду ждать того часа, когда ты сможешь мне все рассказать.

– Мудрое решение.

– Именно оно. Про Ланге только и говорят, что мы мудрые. Достоинств у нас гора, а недостатков почти нет.

Алан слабо улыбнулся и единым глотком допил кофе. Энди старик нравился, явно нравился, не смотря на всю загадочность и немногословность Саммерса. Андрас смотрел, как его новый коллега и начальник медленно идет к раковине, тщательно моет керамическую кружку и ставит ее вверх дном на ребристую поверхность умывальника. В Алане не было признаков старости, лишь изрядно поседевшие волосы, аккуратно зачесанные назад, но Энди знал, что Саммерс уже немало лет бродит по земле. Конечно же, лекарства делали свое дело, тормозили старение, но... Но Алан был стар. Возможно, старше Майера. На вид уж точно.

– Ладно, Энди. Пойдем.

– На очередное интервью? – Саммерс кивнул. – Не буду даже спрашивать, зачем и почему. Все равно ты не ответишь.

– Ты растешь на глазах, мой мальчик.

– Эй, папаша! Не надо меня так называть.

Алан подошел к Энди вплотную, открыто ему улыбнулся и похлопал по плечу.

– Ну, давай, – он указал в сторону двери. – Ты сегодня опять в роли режиссера, топай к мониторам.

– Кинцо у нас выйдет явно дерьмовое, не считаешь? Актеры играют ужасно, – Энди вскинул руки. – Все-все, иду.

Дверь мягко закрылась, заперев Андраса в тишине пустых коридоров. Где-то далеко, за множеством толстых стен и тонких окон лабораторий туда-сюда сновали люди. Исследователи, изобретатели. Точно такие же, каким когда-то давно был Себастьян Майер.

– Надеюсь, у вас будет иная судьба, ребята, – глухо произнес Энди. Его слова жутким эхом заскакали внутри длинного коридора. – Бу!

«Бу-у, бу-у-у, бу-у-у-у», – откликнулись сотни тонов, искаженные и отраженные. Энди уверенно зашагал по ровному бетону. Идти было недалеко. Достигнув нужной двери, он прислонил большой палец к едва заметной точке на стене. Датчик мелодично пропел, путь открылся.

– Привет, парни!

Мониторы ответили безмолвием.

– Как дела, что нового?

Энди рухнул в кресло, пододвинул клавиатуру, коснулся сенсорной панели, пробуждая четыре плоских экрана от безмятежного сна, и уставился на героя сегодняшнего представления.

– Здравствуйте, доктор Майер, – тихо произнес Андрас. – Вам сегодня не лучше, как я погляжу?

Себастьян сидел в широком кожаном кресле и зачарованно смотрел в одну точку, прямо перед собой. Четыре монитора показывали Изобретателя со всех сторон, но картина на всех была одна – Бастиан не шевелился, моргал примерно раз в минуту и размеренно дышал, словно человек, погруженный в глубокий сон.

– Что же с тобой такое? – пробормотал Энди. – Как ты до этого дошел?

С характерным писком включились еще два экрана. Они показывали все помещение целиком и сработали на движение в студии. Только это была не студия, а лишь ее симуляция. Энди проследил, как доктор Саммерс зашел в помещение, повернулся к одной из камер, помахал рукой и серьезно кивнул.

– А вот и наш знак, господа. Сейчас шоу начнется.

Андрас протянул руку и мягко вдавил одну из крупных кнопок. Механизм заработал, комната, изображенная на шести экранах, налилась светом и звуком: появились небольшие трибуны, плотно забитые голопроекциями людей, что неустанно переговаривались между собой, создавая ощущение настоящей жизни.

– Как-то так, доктор Майер. Пора просыпаться. Свет, камера...

Мотор.

Глава 4. Новости старого дома

Весна в Цюрих всегда приходила рано. Уже в середине февраля теплая зима с ее редкими дождями и еще более редкими снегами уходила в прошлое, оставаясь лишь серым, смазанным воспоминанием. Мрачная зелень города преображалась на глазах, раскрывая под ярким солнцем свои сочные и насыщенные тона, а спокойные воды Лиммата окрашивались небесной синевой. Так было всегда, каждый год. И весна 2027-го не стала исключением.

Далекie вершины Альп, покрытые вечным снегом, неизменно притягивали его взгляд.

– Тебе здесь никогда не надоест, да? – Марта сидела рядом, подставив лицо послеполюденному солнцу. – Мне тоже тут нравится, ты не подумай. Но может все-таки, – она открыла глаза и тут же сощурилась от яркого света. – Может, прогуляемся?

– Давай еще посидим немного. Совсем не хочется уходить.

Себастьян заметил, как она понуро опустила голову и начала раскидывать мелкие камешки потертым носком ботинка.

– Тебе незачем сидеть тут со мной. Нам же не по восемнадцать.

– А что мне делать? Сидеть в лаборатории? Я уже видеть не могу всю эту аналитику и статистику. Столько лет провели как в темнице, битком набитой народом. И они ведь все прибывают и прибывают... – она помолчала и добавила: – Не этого я хотела...

Майер понимал ее недовольство – людей в университете и правда стало много. Очень много. Он уже сбился со счета, сколько сотрудников пришло за последний год и сколько лабораторий включили в программу анализа данных НСГМ. Казалось, что каждый корпус Цюрихского университета только и делал, что расшифровывал сканы.

– Здесь веет детством, – он задумался. – Но не тем, где мама плакала, а тем, где она улыбалась. После смерти Жозефа мы остались вдвоем, и никто нам был не нужен. По крайней мере, мне так казалось. Помню, мы частенько приезжали на одно из Берлинских озер, сидели на берегу и просто смотрели вдаль. Наблюдали, как блестит вода, как кто-то катается на паруснике. Было тихо и спокойно.

Он поднял глаза к высокому небу, к лениво плывущим редким облакам.

– Но вид там похуже. Нет этих гор.

Марта молча смотрела на заснеженные вершины. Она выглядела уставшей, угнетенной.

– Ты словно не здесь, Бастиан, – медленно проговорила она. Майер повернул голову, и удивленно воззрился на давнюю подругу. – Ты вообще ничего не видишь? Сканеру десять лет. Десять, Бастиан. А мир у нас уже совсем другой.

Себастьян мелко заморгал и привычно потянулся к вискам. Марта продолжила:

– Мы принимаем людей по сканам. Понимаешь? И мы берем не самых лучших, а тех, кто может стабильно работать, – она крутанула рукой. – Кто может обрабатывать тот объем информации, с которым мы имеем дело. Но самое... Самое странное в том, что в городе стало меньше людей. Неужели ты и этого не замечаешь? Посмотри по сторонам, Бастиан.

Он растерянно огляделся. Себастьян осмотрел Цюрихское озеро, на пологом берегу которого они сидели, прошелся взглядом вдоль уходящей в город дороги, еще раз взглянул на Альпы. Людей и правда было мало. Лет пятнадцать назад набережная Лиммата выглядела иначе – каждую весну она обращалась в живой организм, наполненный гомоном и движением. Мест на пристани всегда не хватало, люди теснились на узких скамейках, купаясь в лучах первого весеннего солнца, улыбались друг другу и приветствовали новый день.

Себастьян нахмурился и посмотрел на часы.

– Сейчас полдень, – бросил он. – Люди работают.

– Ты специально меня злишь? Людей стало меньше, и взамен старых улыбающихся лиц я все чаще вижу угрюмые рожи полицейских. Одеты они, конечно, не в форму, но свою сущность скрыть не могут.

– У тебя паранойя.

– Паранойя? Ты серьезно? Паранойя... – ее глаза недобро сверкнули, а крылья ноздрей затрепетали. – Ладно, паранойя. Но сделай мне одолжение, Себастьян Майер. В следующий раз, когда пойдешь в продуктовый магазин на углу Клосбах, присмотришь-ка к его работникам. Они там все, как под копирку сделаны: квадратные лица, широкие скулы, в плечах как три меня. Как-то сомневаюсь я, что эти ребята не смогли найти работу получше.

– Я посмотрю, – холодно ответил Майер.

Запал Марты моментально улетучился. Она медленно поднялась на ноги и посмотрела на Бастиана сверху вниз. Ее взгляд был полон боли и сожаления.

– Нет. Ты не посмотришь. Я не знаю, в каком мире ты живешь, но он, должно быть, очень яркое, раз ты не видишь того, что летит тебе в лицо.

Марта развернулась на каблуках и отправилась прочь. Он не стал ее останавливать, не видел в этом смысла. Люди в городе, сотрудники магазина... Ее действительно это волновало? Они имели дело с невероятной сложной загадкой самой природы, а она переживала о таких пустяках?.. Изобретатель чувствовал себя в тупике, ощущал, будто долбитесь головой в бетонную стену, уже не первый год топчется на месте.

– Что-то есть в этих людях. Я знаю, точно знаю, – пробормотал он себе под нос. – Закономерности.

В последнее время он все реже реагировал на конверты с пометкой «S». Статистики хватало с лихвой, но вывод так и не приходил.

Где-то далеко, там, на фоне скучной реальности, заиграла знакомая мелодия. Рингтон мобильного, обыденный и до дрожи надоевший.

– Да, привет, – отдаленно прозвучал голос Марты. – Ну-у-у, ага, со мной. Обычное дело. Прямо срочно? Слушай, сейчас не лучшее время... – последовала продолжительная пауза. – Ладно-ладно, скоро будем.

Она стояла в десяти метрах, и Бастиан чувствовал на себе ее взгляд.

– Звонил Кристоф. Ты опять не отвечаешь на звонки.

– Чего он хотел?

– Чтобы мы пришли. Как можно скорее. Говорит, ты будешь в восторге.

Кристоф Кьорди. Третий из первоначальной четвертки. Тот, кто вместе с Майером и Бремер стоял у истока «Ноджу». Верный товарищ, четверть века проживший в лаборатории бок о бок с Себастьяном и постаревший на его глазах.

Бастиан тяжело поднялся на ноги.

– Навестим старика.

– Теперь ты готов идти. И почему я не удивлена? – она тряхнула головой, и тонкие пряди поддернутых сединой волос прикрыли ее лицо. – Ладно, пошли.

Пройти предстояло немного, лишь несколько кварталов. Сначала вдоль берега по шероховатой дороге из крупного булыжника, у моста Квайбрюкке повернуть направо – на Ремиштрассе, затем пересечь Цельтвег и Хоттингер, повернуть налево... Привычная дорога в место, ставшее настоящим домом.

Исхоженный маршрут, но уже не такой, как прежде. После слов Марты он начал замечать: на их пути действительно было мало народу, до отчуждения мало. И каждое встреченное Себастьяном лицо казалось знакомым, словно шли они по родному корпусу университета, сталкиваясь лишь с теми, кто в нем живет и работает.

– Теперь ты видишь, да? – спросила она вскоре. – Или ты, как обычно, весь в своих мыслях? Вспомни, как людно было раньше, – Марта неуютно поежилась. – Население словно сократили вдвое, а то и втрое.

Себастьян промолчал. За прошедшие годы, заполненные рутинной работой, интерес Марты к исследованию заметно поубавился, ее яркие амбиции угасли. Не удивительно, что она стала обращать столько внимания на какие-то бредовые мелочи. Главное, что сам Бастиан оставался непоколебимым. К черту все это, пусть хоть все люди исчезнут – для него ничего не изменится.

Они нашли Кристофа там же, где и всегда: в их самой первой лаборатории, в мрачных недрах которой и появился на свет прототип НСГМ. Это было длинное, тесное и темное помещение, плотно заваленное всяким хламом. Себастьян давно уже переехал в другую часть корпуса, выбрав себе комнату попросторней и посветлее, но сам Кьорди отказывался что-либо менять. «Консерватизм», – говорил он. – «Консерватизм – болезнь стариков!»

– Бастиан! Марта! – Кристоф вскочил со стула, едва они открыли входную дверь. – Как же я вам рад! Проходите, проходите, прошу.

Низкорослый, подслеповатый, с огромной залысиной на макушке и дрожащими руками Кьорди напоминал древнего завхоза какой-нибудь воскресной школы. Самый старший из четверки первооткрывателей, он был стар уже на тот момент, когда исследование только начиналось. В начале 2027-го ему исполнился семьдесят один год, но, не смотря на столь преклонный возраст, Кристоф не торопился уходить на покой. Он относился к тому типу стариков, что так и норовят проявить активность. Порой чрезмерную и вредящую слабому здоровью.

– Здравствуй, Кристоф, – Марта заключила его в крепкие объятия. – У тебя здесь темно, как в пещере. Ты бы хоть шторы открыл.

– Дорогая моя, – Кьорди шутиливо отмахнулся. – Дом должен быть уютным. Чем меньше света, тем лучше для моих немощных глаз.

– Кристоф, – Себастьян сухо кивнул. – Что стряслось?

Старик пристально воззрился на Майера. Его ярко-серые глаза горели азартом и возбуждением, таким восторгом, какой не смогли исказить даже невероятно толстые линзы ветхих очков.

– Ты сейчас упадешь, Бастиан. Надо найти парочку стульев!

Кристоф заметался по тесной лаборатории, разбрасывая кучки сваленного хлама, под которыми, по мере их освобождения, узнавались совершенно неожиданные вещи: торшеры, мониторы, системные блоки, старый кофейный аппарат – ржавый, с облупившейся краской.

– У тебя здесь настоящая барахолка, – улыбаясь, произнесла Марта. – Зачем ты хранишь весь этот хлам?

– Все просто, дорогая моя, – пропыхтел Кристоф, победно извлекая из очередной груды мусора покосившийся стул. – Этот хлам мне дорог. Мы, старики, такие... – он тепло улыбнулся. – Сентиментальные. Вот, садитесь.

Он пододвинул пару стульев к длинному металлическому столу, по центру прямоугольной комнаты.

– А теперь, – Кьорди схватил ноутбук, поставил его перед Майером и прикоснулся к тачпаду. – Ну же, давай! Давай! Ах-ха! – компьютер откликнулся на действия старика. – Чертова машина, совсем слушаться перестала. Хотя дело не в ней, я знаю. Кровообращение у меня плохое, пальцы вечно холодные и синие, вот она и чудит. Проблемы стариков, дорогие мои.

– Я подарю тебе мышку, – подал голос Себастьян.

– Не стоит, не стоит. Думаешь, я не могу себе позволить компьютерную мышь? – старик ехидно прищурился. – Думаешь, у меня ее нет?

– Тогда зачем ты мучаешься с тачпадом?

– Я здесь провел столько времени, что потерял ему счет, Бастиан. Жизнь, кажется, прошла мимо, – он печально улыбнулся. – Но ведь смерть мимо пройти не должна, верно? А я боюсь, что пройдет. Каждый день боюсь. Забудет про меня, костлявая, и бросит в этом мире, а я и не узнаю. Так и буду ходить тут, работать, работать и работать. Я, конечно, поработать-то готов, но век мой давно уже прошел, чувствуется... Но вот этот вот дружок, – он тыкнул пальцем в ноутбук, – говорит мне, что я еще жив. Боюсь того дня, когда тачпад все-таки не работает.

Резкое, жутковатое откровение прозвучало неожиданно. Лишенный слов Себастьян нелепо воззрился на Марту, не зная, какие теперь слова стоит произносить.

– Ты... Кхм... – Бастиан прочистил горло. – Ты бы...

– Да бросьте, дорогие мои! Это лишь шутка дремучего старика, – Кристоф улыбнулся широко и чисто, но глаза его блестели правдой. Не смогли спрятать ту печаль, что засела глубоко внутри. – Просто шутка, не обращайтесь внимания. А теперь, давайте к делу, позвал-то я вас не ради смеха.

Кьорди вернулся к ноутбуку, и перед глазами Майера возникло целое множество системных папок. Кристоф зашел на сервер лаборатории, переместился в директорию сохраненных входящих писем, пролистал несколько страниц обработанных сканов и остановил курсор тачпада на файле с именем ND.5.581.364.829.

– А теперь, дорогие мои, смотрите. Только, прошу, не падайте в обморок.

Кьорди мягко нажал на клавишу, запустив загрузку выбранного файла. На экране появились первые цифры обработанного скана, машина делала свое дело и выводила на монитор данные, расшифрованные Кристофом. Им так и не удалось автоматизировать этот процесс, избавиться от нудной аналитики – никакая машина, даже самая мощная, не могла сопоставить сухие цифры с образом человеческого мышления.

– Сейчас-сейчас, дайте ему время, – Кристоф заботливо похлопал ладонью по клавиатуре. – Он обычно грузит быстрее, но не в этот раз.

– Не в этот раз? – Бастиан поднял глаза на старика, и в ответ увидел лишь хитрую улыбку. Полоса загрузки неумолимо приближалась к финишу.

– Вот... Вот... – шептал Кьорди.

«Загрузка завершена».

– Вот и она, – выдохнул старик. – Вот и она...

Тишина поглотила лабораторию. Все звуки замерли, осталось лишь тихое гудение вентиляторов ноутбука. Себастьян заворожено смотрел в монитор, не веря своим глазам.

– Если это шутка, то очень жестокая, – наконец вымолвил Майер.

– Что вы, дорогие мои, какая шутка. Я сам был в не меньшем шоке, чем вы сейчас. У меня даже давление скакнуло...

– Ошибки нет? – вставила Марта.

– А они бывали? Не припомню, чтобы за все время работы, сканы приходили настолько...

Насколько...

– Невероятные, – выдохнул Себастьян.

Цифры на экране были невозможными. Мозг, чей скан расшифровал Кристоф, поражал.

– Сколько здесь нейронов?

– Сто шестьдесят миллиардов.

Где-то на фоне, но совсем рядом, ошеломленно выдохнула Марта.

– А потенциал?

– Выше раза в полтора. И время пика значительно меньше. Мозг этой девочки быстрее и мощнее всего, что мы когда-либо видели.

Максимум нейронной плотности, полученный за все десять лет исследований, составлял девяносто миллиардов. Девяносто. Почти вдвое меньше, чем у этого образца. Себастьян вскочил, повернулся к старику и схватил его за плечи.

– Кому ты рассказал об этом, Кристоф? Ты отправил данные в... – Бастиан запнулся. – Откуда вообще пришел этот скан?

– Потиху, друг, потиху. Ты мне суставы вывернешь.

– Прости, – Майер разжал объятия и тяжело опустился на стул. – Так откуда он? И кто еще о нем знает?

– О ней, Бастиан, о ней. Это девочка, живой человек, а не просто сухой результат измерений. И о ней знаете только вы двое. Я не мог поступить иначе, ведь для вас это важно.

– Спасибо, Кристоф.

– Ты ведь это искал, да? – Кьорди махнул рукой на ноутбук. – Нечто такое, с самого начала. Все эти твои уникальные больные были лишь пылью в глаза.

Бастиан не ответил.

– Ладно, давай по порядку: скан пришел из России. Недалеко от столицы есть город... – старик замялся. – Коломна, вроде так произносится. Вот из местной больницы и поступил наш невероятный образец.

– Кто она?

– Сирота. Из детского дома.

– Сирота? В России сканируют сирот?

– А ты не в курсе?

– Он не следит за новостями, – подала голос Марта.

– Ах, понимаю. Себастьян Майер не желает меняться. В России за последние пять лет население сократилось на двадцать пять миллионов человек. Такого упадка нигде и никогда не было, даже во времена чумы, – старик задумчиво потер подбородок. – Хотя могу и наврать, не обессудьте.

– Сократилось? Что там происходит?

– Ничего. Просто все, кто мог позволить себе сканирование, и кто при этом получал результаты, превышающие медиану, покинули страну. Там остались либо «темные», у кого нет денег на обследование, либо...

– Те, кто ниже медианы, – догадался Бастиан. – Ничего не понимаю. Почему так?

– Я не знаю, дорогие мои, я ведь там не живу. В общем, они бесплатно сканируют всех сирот.

– А других детей? – спросил Себастьян.

– За деньги, как и всех.

– Что за бред? В чем логика?

– В том, – ответила Марта, – что сироты, пока они в детских домах, находятся во власти государства. Они не могут сбежать, как все остальные, не могут, даже если окажутся чем-то... Невероятным.

– Совершенным, – пробормотал Майер.

Марта и Бастиан переглянулись.

– Мы должны ехать. Забрать ее с собой, проверить, нет ли ошибки.

– Согласна. И как можно скорее.

Майер видел, как загорелись ее глаза, как в них проснулся давно угасший интерес. Он вновь видел перед собой Марту Бремер, рука об руку с которой несколько лет назад создавал НСГМ. Она словно проснулась ото сна, долгого и изнурительного.

– Вы думаете, вам дадут? – Кристоф медленно снял очки и тщательно протер линзы. – Вот так просто, да? Приехали и забрали?

– Мы что-нибудь придумаем, – Майер был настроен решительно.

– Это не почтовая посылка, Бастиан, – не унимался старик. – Тем более, она в России. Тем более, она сирота.

– Мы удочерим ее. Я удочерю. Все что угодно, лишь бы...

– Заполучить ее? Изучить? – Кристоф помрачнел и осунулся. – У меня уже нет того запала, что был раньше, дорогие мои. Но даже мне прежнему это показалось бы неправильным. Я понимаю, что мы ученые, но... Она ведь еще ребенок. Это не твои инвалиды, которых можно допрашивать с согласия попечителей. У всего должен быть предел, Бастиан. Вы ведь даже не знаете, кто она, как ее зовут, сколько ей лет.

– Она представляет ценность, Кристоф. Тебе ли этого не знать. Критическую ценность.

– Да, да, наверное, – протянул старик. – Но все равно, мне как-то не по себе.

– От тебя ничего не требуется. Просто, – Себастьян крепко зажмурился и сжал виски. – Просто не говори никому. Не отправляй анализ скана обратно в больницу. Дай нам несколько дней.

Серые глаза старика блеснули холодом.

– Кристоф, пойми, – Марта поддержала Себастьяна. – Случай действительно феноменальный. Если здесь нет ошибки, то мы не имеем права его упустить. Она может оказаться новым этапом эволюции.

Кьорди ничего не ответил. Он продолжал хмуро глядеть на давних коллег, сердито поджав губы.

– Кристоф, – голос Марты смягчился. Она медленно протянула руку и прикоснулась к груди старика. – Мы же не хотим ее препарировать – просто слетаем в Россию, поговорим с ней. Если получится, привезем сюда, сделаем новый скан. Расскажи о ней. Все, что знаешь сам.

Старик немного расслабился и приветливо улыбнулся Марте.

– Вы хорошие ребята, дорогие мои, я в этом никогда не сомневался. Просто... Не надевайте ошибок...

– Не переживай, Кристоф, все будет хорошо. Так что ты о ней знаешь?

– Ее зовут Мария Иванова, – старик пожал плечами. – Насколько я знаю, это стандартное имя для сирот, о родителях которых ничего неизвестно. И ей сейчас... Пять? Да, пять лет.

Кристоф замолчал и выжидающе посмотрел на Марту.

– Это все?

– Все, что было в письме.

– Адрес?

– Точно! – чересчур громко воскликнул Кьорди. – Самое важное то чуть не забыл. Память, дорогие мои, память...

Кристоф уткнулся в ноутбук и, неразборчиво бубня под нос, заводил пальцем по тачпаду.

– Во-о-о-от, – слабо протянул он. – Вот. Все здесь.

Карточка обследованного пациента была заполнена лишь наполовину. Графы «мать» и «отец» пустовали, графа «адрес» содержала лишь данные о расположении больницы: город Коломна, улица Тургенева, дом 1, корпус Б.

– Где это вообще? – Майер отвернулся от монитора и встал. – Я бы выпил кофе, Кристоф. У тебя тут есть, – он внимательно осмотрел древний автомат, обнаруженный под завалами местного хлама. – У тебя тут есть рабочий аппарат?

– Нет, Бастиан. Я не пью кофе, уже давно, – старик похлопал себя по груди. – Он садит сердце. Могу предложить чашку зеленого чая. С лимоном или молоком, как по вкусу.

– С лимоном, – Кьорди кивнул и удалился в угол лаборатории.

– Марта, тебе налить чего?

– Нет, благодарю.

– Коломна находится недалеко от Москвы, на юго-востоке, – прозвучал приглушенный голос Кристофа. – Где находится приют... Или как он там – детский дом... В общем, где живет Мария, я не знаю. Вам придется выяснить это самим.

– Мы можем зайти в больницу, – Марта взяла один из помятых листков, что были щедро разбросаны по столу, вытащила из сумочки ручку и переписала адрес, указанный в карточке. – Там наверняка знают.

Кьорди вернулся к коллегам, держа в руках две керамические кружки, поставил одну перед Себастьяном, медленно сделал большой глоток и спросил:

– А кто из вас говорит по-русски?

– Я говорю, – Марта аккуратно сложила листок и отправила его вслед за ручкой в дебри большой женской сумочки. – Учила его когда-то давно. Кое-какие знания еще остались.

Все складывалось как нельзя лучше – девочку обнаружил Кристоф, а не кто-то из сотен лаборантов, она оказалась сиротой, что, по мнению Изобретателя, невероятно все упростило, Бремер знала язык. Майер, конечно, был немного удивлен – он не знал, что Марта владеет русским. Но тогда, сидя в лаборатории Кристофа, Себастьян воспринял эту новость как добрый знак, хоть и сам в знаки никогда не верил. Бастиан был из тех, кто всю жизнь отвергал любую суеверную белиберду, отвергал набожность, нелепые фантазии и все, что в его понимании считалось разглагольствованием и выдумкой. Но этот скан... словно сам Бог, в которого Майер не верил, сложил простенький пазл, решение которого предоставил Себастьяну в награду за все труды, тяготы и лишения. И Бастиан был готов.

– Ну-у-у-у, – старик невинно улыбнулся. – Тогда в путь-дорогу? Не переживайте, дорогие мои, я никому не скажу. Уж вы-то меня знаете, если я что пообещал – слово сдержу. Но в ответ, – Кьорди пристально посмотрел на Себастьяна. – Пообещай мне, Бастиан, что ты не наломаешь дров.

– Обещаю, Кристоф, обещаю.

– Ладно, пошли, – поторопила Марта.

Когда они покидали лабораторию старика, она сжимала в руках мобильник. Когда шли по коридорам университета, что-то сконцентрировано читала и печатала. Когда вышли на улицу, Марта произнесла:

– На завтра есть два билета. Вылет в девять утра. Время в пути – почти три часа, то есть... На месте мы будем около двух после полудня. По местному.

– Бронируй, – коротко ответил Майер.

– Уже.

Она шла, уткнувшись в телефон, ловко следуя за Себастьяном, распаясь и набирая темп. Когда они достигли дверей дома, Марту трясло, буквально лихорадило, а ее глаза яростно сияли возбуждением. Оказавшись внутри, за обжитыми стенами небольшого таунхауса, она набросилась на Бастиана, начала срывать с него одежду, дыша тяжело и прерывисто.

– Это случилось, – прошептала Марта уже после душа. – Я не верила, что мы найдем что-нибудь такое... Но это, наконец-то, случилось.

– И я, признаться, уже давно утратил надежду... Но нужно все проверить, – женщина лежала на кровати, лишь слегка прикрыв одеялом притягательную наготу. Себастьян пристроился рядом. – Исключить вероятность ошибки.

– Сканер не допускает ошибок.

– Не допускал.

– Все так, как мы видели. Я в этом уверена.

– Скоро узнаем, – он прикоснулся губами к ровной округлости обнаженного плеча. – Совсем скоро.

Глава 5. Вчера и сегодня

Энди приник к мониторам, ожидая пробуждения Изобретателя. Взгляд Майера постепенно прояснялся, становился осмысленным.

– А вот и наш славный доктор, – на выдохе прошептал Андас.

Себастьян мелко заморгал, посмотрел на Саммерса, оглядел студию, людей на трибунах, и резко взмахнул руками.

– Каждый человек уникален! – живо начал он. И тут же запнулся, поник. – Каждый... Понимаете? – Майер сдвинул брови и что-то невнятно пробормотал под нос. Слов Энди не слышал.

– Здравствуйте, доктор! – Саммерс приветливо улыбнулся и протянул руку.

Алан сидел справа. Расположение «ведущего» и «гостя» соответствовало стандартным обстановкам популярных в начале века телешоу. Между участниками интервью располагался небольшой, низкий стол с парой хрустальных бокалов и наполненным кристально-чистой жидкостью графином.

Себастьян не ответил на рукопожатие.

– Как вы себя сегодня чувствуете?

– Я... Я не знаю... Что происходит?

– О чем вы, доктор?

– Я не понимаю, – Майер потянулся к вискам, но тут же себя отдернул. – Слово это уже было. Сильнейшее дежавю. Что происходит, мистер Грей?

– Я не Эллиот Грей, Себастьян.

Изобретатель недоуменно смотрел на Саммерса, смотрел, не сводя глаз, а неживая публика студии наигранно затаила дыхание в ожидании долгожданной развязки. В какой-то момент, на долю секунды, Энди проникся уверенностью, что вот сейчас, буквально через мгновение, доктор вновь погрузится в транс, из которого уже не выйдет.

– Кхм, – Майер прочистил горло. – Что, простите?

– Меня зовут не Эллиот Грей, доктор. Более того, известный вам мистер Грей погиб лет двадцать назад. Вы знаете, какой сейчас год?

Очередная затяжная пауза.

– Что вы такое говорите? Кто вы?

– Меня зовут Алан Саммерс. Мы находимся в Центре патологий и мозговой диагностики, в Копенгагене. Вы помните, в какой стране этот город?

– Д... В Дании, это столица Дании, – чуть заторможено ответил Майер.

– Все верно, доктор. Вы знаете, какой сейчас год?

Майер медленно огляделся. Его взгляд остановился на ближайшем операторе, что вцепился в массивную камеру, слившись с ней воедино, перелетел на забитые трибуны, скользнув по чистым, удивленным лицам, и вернулся к собеседнику.

– 2017-ый. Мы только-только разработали сканер, протестировали и показали...

– 2053-ий, – оборвал его Саммерс.

Себастьян дернулся, вздрогнул.

– Что за глупые шутки? Вы думаете, это смешно? Мистер Гр... Или как вас там, что вы несете? Вы себя слышите вообще? Меня пригласили на это чертово интервью ради насмешек? Вы думаете, мне мало было?

– Я понимаю ваше удивление, доктор. И понимаю вашу... – Алан учтиво склонил голову. – Растерянность. Но, поверьте мне, никто над вами не смеется.

Бастиан мрачнел. Энди видел злость в глазах Изобретателя, и это поражало – еще несколько минут назад Себастьян был овощем и совершенно не реагировал на окружающий мир.

«О-хо-хо, старина Майер еще тряхнет стариной», – глупая шутка. Бывали и получше, но Энди не смог промолчать от волнения. Андрас внимательно смотрел на мониторы и ждал, чем ответит Саммерс.

Алан же был невозмутим. Он медленно снял очки, подышал на стекла окуляров, протер их подолом пиджака и надел обратно.

– Отвечайте мне, мистер, – не унимался Майер. – Отвечайте, сейчас же!

– Энди, – Саммерс повернулся к одной из камер. – Будь любезен, выключи все.

Андрас вздрогнул от неожиданности – он никак не предвидел, что доктор обратится к нему, да еще и с подобной просьбой. Саммерс, не мигая, смотрел на Энди с мониторов, и, словно почувствовав неуверенность протее, слабо кивнул и проговорил:

– Давай, парень. Выключай.

«Ну ладно, док. Как знаешь», – подумал он и потянулся к массивной кнопке.

Легкое нажатие, слабый щелчок, затухающее гудение множества механизмов – и зал на экранах вновь стал серым и безжизненным. Ненстоящие зрители мигнули и исчезли, операторы растворились в воздухе, побросав одинокие камеры, а реалистичные декорации обнажили пустые стены. Майер испуганно озирался, вжавшись в большое кожаное кресло.

– Это не розыгрыш, доктор, – вкрадчиво произнес Алан. – Здесь никто не смеется над вами, разве вы не слышите? Мы находимся в Центре патологий и мозговой диагностики, а на дворе сентябрь 2053-го.

Майер гулко сглотнул, вскинул руки, мимолетно дотронулся до висков и порывисто кивнул головой.

– Я вам не...

– Не верите, – закончил за него Саммерс. – Понимаю. Я бы и сам не поверил. Энди, – он вновь обернулся к камере. – Дай изображение новостей.

«Изображение новостей?» – Андрас упрямо пялился в монитор, пытаясь понять смысл услышанного.

– Изображение, мать их, новостей? Ты умом тронулся, док? – вслух проговорил Энди. – Дай мне, сынок, изображения новостей. Мне их распечатать что ли? Комикс склеить?

– Энди! – Алан терпеливо смотрел в объектив камеры. – Рядом с тобой, за одним из мониторов стоит микрофон. На нем есть кнопка. Нажми ее и скажи что-нибудь.

– Раз, раз, – Андрас поступил так, как велел Саммерс.

Услышав посторонний, новый голос, глухим скрежетом разрывающий слабенькие динамики студии, Майер напрягся еще сильнее.

– Кто это? Кто за нами следит?

– Это Андрас Ланге, мой помощник. Дайте нам секунду, доктор, – Алан прочистил горло и обратился к Энди. – На правом верхнем... Или нижнем? Да, на правом нижнем мониторе есть синяя полоска, видишь?

– Да, – спустя непродолжительную паузу, послышался тихий голос. – На правом верхнем.

– Пусть так. Нажми ее.

- Дальше?
- Меню появилось?
- Да.
- Оно отвечает за декорации стен. Выбери там пункт...

Зал наполнился светом, а на стенах обширной комнаты замелькали цветастые картинки. Новости сразу нескольких крупнейших каналов Государства.

- Молодец, Энди, спасибо.

Майер затравленно озирался, оглушенный звуковым потоком, что лился со всех сторон. «Ты рискуешь, док», – подумал Андрас. – «Он же сейчас отъедет». Но Себастьян не «отъезжал». Напротив, по мере того, как слуховые и зрительные рецепторы приспособлялись к происходящим событиям, доктор выглядел все более и более заинтересованным.

– Что это? – спустя несколько минут Бастиан вытянул руку, указывая на стену слева. – Что там происходит?

Энди посмотрел – ничего необычного. Для современного человека. Люди на экране обедали – огромной толпой, на улице, они сидели за длинными металлическими столами и поглощали простую еду. Каждый из них был похож на соседа. По крайней мере, в одежде.

– Это... – Саммерс подыскивал слова. – Это Родство. Вы не знаете о них, верно? – Майер покачал головой. – Стоит рассказать вам, что происходит в мире. А точнее, что произошло.

«Старина Майер сейчас удивится. И при этом неслабо».

– Нет, – к удивлению Андраса отрезал Себастьян. – Я хочу знать, где я, почему я здесь и как тут оказался. Все остальное – потом.

– Вы пропали в начале 2044 года, почти девять лет назад. Тогда же, когда началась смута и появилось, – Алан махнул на стену-экран, – Родство. Вас долго искали, но безуспешно, вообще никаких следов. Власти считали, что вы в плену у обезумевших радикалов, но те, конечно же, все отрицали.

– Девять лет назад... – выдохнул Бастиан.

– Мне жаль, доктор.

– Как такое может быть? Наш труд... Мы так долго к этому шли. Почему я ничего не помню?

– Это мы и пытаемся выяснить. Вас давно уже считали без вести пропавшим, считали, что тайна исчезновения Себастьяна Майера никогда не будет разгадана. Но потом вы появились. Вас обнаружили в Цюрихе, неподалеку от университета, – Алан запнулся, на мгновение повисла неловкая пауза. – Неподалеку от того, что когда-то было Цюрихским университетом.

– В... в каком смысле?

– Цюриха больше нет, доктор. От всей Швейцарии вообще ничего не осталось, только Альпы.

Тишина сомкнулась, запечатала студию. Саммерс ждал ответной реакции.

– Высокие пики. Снег, – задумчиво пробормотал Изобретатель.

– Этого там в достатке, да.

– Как это произошло?

– Как вас нашли? Сработал один из датчиков движения на некогда охраняемой территории, а когда прибыл патруль...

– Нет, – Майер схватился за голову и надсадно простонал. – То есть, да. И это тоже, но... Что стало с Цюрихом?

«Не говори ему, док. Зачем все это? Оставь», – молнией пронеслось в голове Андраса. Энди помнил события 2044-го. Тогда ему было восемнадцать, и он учился в тихом пригороде Кембриджа, не зная бед. Тогда он еще не понимал, насколько опасным может оказаться даже самый близкий человек.

– Это было чем-то шокирующим, – размеренно начал Алан. – Мы просто жили и жили, удивляясь тому, насколько быстро меняется мир. Как-то даже и не успевали за всем – столько открытий. В науке, медицине, технике. Каждое исследование приносило плоды, – Саммерс широко улыбнулся. – И ведь все благодаря вам.

– Мне? Как это?

– Конечно вам. НСГМ изменил мир. Сделал его лучше, чище, – Алан помрачнел. – Но, как оказалось, это была не вся правда. Точнее, у кого-то, а они составляли чуть ли не большинство, истина оказалась совсем иной.

– И что это значит?

– Начиналось все не так уж и плохо. Точнее, начало-то как раз и было хорошим, никто и не заметил, как мы шагнули в будущее, – Саммерс начал загибать пальцы: – Умные автомобили, лекарства от СПИДа и рака, вообще понимание развития раковых клеток достигло своего пика после прихода сканера. Роботизированные протезы с передачей тактильных ощущений, высокотемпературные сверхпроводники, проявляющие свои свойства даже при комнатных температурах. И многое, многое другое. Открытий было столько, что каждый новый день становился действительно новым. За первые пятнадцать лет эпохи НСГМ человечество совершило настоящий научный прорыв, да притом не один, не в одной сфере знаний.

Майер молчал. Он напряженно слушал Алана. Тем же занимался и Энди в операторской.

– Но потом... – Саммерс устало покачал головой. – Потом все полетело к чертям...

Современная история Государства и Родства. Алан говорил правду – все полетело к чертям. И начало мирового краха было заложено задолго до смуты – еще в 2017 году, заложено самими человечеством и характером современного общества. Сканер стал лишь катализатором глобального раскола, толчком грядущего террора.

– Недовольных было много. И с каждым годом становилось все больше.

– Недовольных? – Себастьян непонимающе вскинул бровь. – Недовольных чем?

– Вашим изобретением.

Когда-то их называли «темными». Всех тех, кто не мог позволить себе сканирование, либо отказывался от него. Обычное понятие, пусть и несколько грубое. Родители Энди были из их числа, но в каком-то ином, добром смысле. Мать и отец проработали в школе всю жизнь, преподавали и учили. У них имелись деньги на обследование, но желания не было вовсе. Анд-рас считал их чем-то уникальным, необычным. Но к 2027 году от сканирования стали отказываться все чаще и чаще. И дело оказалось не в деньгах.

– Люди боялись узнавать правду. Ведь эта правда, как показывала статистика, разрушила немало жизней. Вы даже не представляете... – Саммерс виновато потупил взор. – Многие лишились всего в первые годы новой эпохи. Всего: работы, уважения. Имени. С одной стороны – это пошло на пользу нашему обществу. Несомненно, – Алан кивнул сам себе. – На место старых, прогневших лидеров науки, политики и искусства пришли новые люди. И люди эти были другими, доктор. Живыми, гениальными. Они творили, конструировали, преображали наше настоящее и ничего не требовали взамен.

– Я не понимаю, – Бастиан интенсивно потряс головой. – Как это связано с Цюрихом?

– Терпение, доктор. История важна в деталях, – Саммерс сделал паузу и продолжил: – Как я уже сказал, недовольных было много. Они кончали с собой, залезали в петлю, вскрывали вены, пускали пулю в лоб. Их, если можно так выразиться, отстранили – у руля встали те, кого одобрил сканер. И ладно бы случай оказался единичным, но нет: на обочину жизни выкинуло не одну тысячу людей, – Алан вновь отогнул один палец. – Это первая группа ваших ненавистников.

Майер молчал. Лишь задумчиво кусал губы.

– Вторых было больше. Представьте себе, что вы приводите сына или дочь на обследование – выкладываете немалую сумму за скан в надежде узнать, насколько прекрасным будет

будущее вашего ребенка... А в итоге вам говорят, что максимум, на который может рассчитывать ваше чадо – мытье полов и сортиров в каком-нибудь второсортном заведении. Или даже проще – это говорят лично вам, о вас. Как бы вы отреагировали?

Себастьян не ответил.

– Вот то-то и оно, доктор, – печально протянул Саммерс. – До 2044-го бунты считались редким явлением. Так, по мелочи – то тут, то там обиженные сканером люди собирались небольшими кучками на площадях, держали в руках плакаты, на которых яркими буквами были написаны революционные возгласы...

«Талант не равен труду!»

«Душа – не документ!»

«У каждого должно быть право! У каждого должен быть шанс!»

Энди помнил эти плакаты. И помнил зарева пожаров, что пришли за ними.

– Но никто не обращал внимания. Сканер дал так много за такой короткий срок, что любая цена казалась приемлемой. Да и здесь, в научных городах, ничто не предвещало беды. Только вот в итоге получилось совсем иначе.

К 2043-ему темные объединились – мировая сеть наполнилась видеороликами, в которых представители «угнетенных» призывали общественность отказаться от принципов новой эпохи. В разных странах, на разных языках одно и то же послание подавали с разного ракурса: где-то акцентировали внимание на вмешательстве «машины Майера» в Божий замысел, в других местах говорили о том, что сканирование нарушает человеческую индивидуальность, тайну личности и право на самореализацию.

– Когда протестов стало больше, правительства некоторых стран предприняли попытку хоть как-то урегулировать конфликт. Но стало только хуже. В январе 2044-го прогремели первые взрывы.

В ночь с понедельника на вторник, 18 января 2044 года в столице Японии было шумно. Светло, как днем, и жарко, как летом. Стеклобескрайный небоскреб «Одуукана» словно провалился под землю, растаяв в ярчайшей вспышке праведного огня. Темные разрушили башню корпорации, первый завод «Ноджу» и уничтожили при этом несколько центральных кварталов города. Расчеты подвели. То, что должно было стать локальным взрывом, превратилось в жестокую демонстрацию грубой силы.

– Это был первый удар. Они начали с Японии и подорвали в тот день десятки заводов «Одуукана» по всему миру. В России, Европе, Штатах.

– Боже, – выдохнул Майер.

– Многие тогда вспоминали его имя. Едва пыль от последнего взрыва осела, террористы сделали заявление, – Саммерс обратился к камере. – Энди, в том же меню, где ты настраивал работу экранов, есть ссылка на папку. Открой ее. Там лишь один файл, как найдешь – запускай.

Андрас повиновался. История Алана настолько его увлекла, хоть он и сам знал ее в деталях, что Ланге начал чувствовать необъяснимое родство с Майером. «Родство, мать его». Энди казалось, что Саммерс обращается не только к потерявшему память Себастьяну, но говорит непосредственно с самим Энди, пытаясь донести до того какую-то важную и глубокую мысль.

Файл назывался просто – «Послание». Запустив его, Андрас отметил, насколько резко изменилась картина на мониторах: стены зала стали ярче, словно кто-то щедрым, единым мазком закрасил все белизной, а большую часть каждого экрана занял неясный, расплывчатый силуэт. Образ пошевелился, сделал шаг назад и показал себя зрителям. Энди видел этот ролик. Когда-то давно.

– Здравствуйте, – женщина кивнула камере. – С вами говорит Родство.

– Я знаю ее, – выпалил Майер. – Клянусь жизнью, я ее знаю.

– Имя мне Мать, – продолжала женщина. – А каждый член нашего союза приходится мне Сыном или Дочерью.

Себастьян, замерев, смотрел на стену.

– Если вы видите эту запись, то встреча между Родством и лидерами ваших стран, закончилась ничем. Мы хотели мира для всех и каждого, но не были услышаны. Беспорядки, что сегодня потрясли несколько ваших городов, дело рук наших. Родство вышло из тени и требует уважения. Мы долго просидели в подполье, не один год терпели ущемления и издевательства, но теперь хватит! Хватит! Я произношу это слово, а вторят мне миллионы голосов. Наше послание таково: мы, и сейчас я говорю про все человечество, создали дивный новый мир, который должен был стать раем. Но стал адом. Вернуть свое место и справедливость любой ценой – вот наша цель и наше желание.

Женщина стойко смотрела в камеру, а ее глаза пылали гневом.

– Мы совершили много ошибок, и главная из них – «Ноджу». Пришло время воздаяния.

Она исчезла, а на ее месте возник символ – раскрытая ладонь и сжатый кулак. Экран погас, на какое-то мгновение оголив пустую стену, а затем вновь вспыхнули сводки последних новостей. Майер продолжал заморожено смотреть туда, где еще секунду назад находился знакомый образ.

– Она сильно изменилась. Я помню ее другой.

– Оно и понятно, в вашей памяти она намного моложе.

– Что с ней стало? – Себастьян перевел взгляд на Саммерса. – Мы создали сканер вместе, почему она так сказала?

– Почему назвала его главной ошибкой? – Майер медленно кивнул. – Не знаю. Может, совесть, или еще что.

Марта Бремер до сих пор была Матерью «Родства». Энди видел ее частенько, на новостных каналах, но как-то и не задавался вопросом, что, как и почему. Фактически, сама тема становления эпохи «Ноджу» его никогда не интересовала, как и не интересовали подробности жизни Майера, внешность Изобретателя и прочие ключевые вещи, способные в корне изменить предстоящую судьбу.

– Они не выдвигали никаких требований. Взрывы, послание Марты, еще взрывы.

– Еще? И никто не мог их остановить? Предотвратить? Ликвидировать угрозу?

– Могли бы, если бы не... Сама природа угрозы. Это сейчас мы разделены, и наши отношения регламентированы. Тогда же реалии ужасали.

Главный вопрос того времени звучал просто: «Кто состоит в «Родстве»? Но ответа не было. Символ с раскрытой ладонью и сжатым кулаком начал появляться повсеместно: на стенах жилых домов и тротуарных плитках, на мусорных баках и вагонах метро, на рекламных плакатах и поверх дорожных знаков.

– Наши отношения? Чьи наши? – не унимался Себастьян.

– То, что осталось от прежнего мира, разделилось на два сектора, – Алан кивнул в сторону экрана-стены. – Родство и мы, Государство. Была война, доктор. Если, конечно, это можно так назвать.

Второй мощный удар пришелся на крупные научные города. Такие, как Цюрих.

– Тогда вы и пропали. Университет превратился в руины за несколько минут. Каждый корпус, каждый соединяющий коридор стал грудой щебня. Мы думали, что вас погребло под завалами, но тела не нашли. Да и, признаться, были дела поважнее.

Хаос поглотил цивилизованный мир. Взрывы, выстрелы, ор и ругань оглашали некогда чистые, спокойные места. Война шла не на чьих-то границах, не за чьи-то ресурсы, не во имя какого-то Бога.

– А как же армия? Армии? – Майер отрешенно смотрел перед собой, пытаясь переварить услышанное.

– Армии были. Даже больше, к тому времени вооруженные силы каждой страны практически полностью состояли из тех, кого одобрил сканер... Но ведь у каждого есть что-то свя-

тое, верно? Семья, близкие, дети. Как оказалось, многие из уже просканированных боялись и ненавидели «Ноджу» не меньше, чем темные изгои.

– Почему? – вспыхнул Бастиан. – Я не понимаю, почему?

– Потому что сканер решал все загадки. Он трактовал жизнь каждого. От рождения и до самой смерти.

Энди уже не переживал о состоянии Изобретателя. Слова Саммерса вернули его в те дни, когда все произошло. Когда он бежал по окровавленным улицам, а на его лице играли блики воняющих копотью пожаров. Андрас помнил этот запах, за густой пеленой которого отчетливо узнавался аромат горящей плоти. И он помнил вопли ужаса, плач и ненависть в голосах: «Смерть темным вырождакам! Смерть ничтожествам!» А где-то совсем рядом звучало ответное: «Вы подохните, твари! Родство сильнее законов!»

– Никто не считал убитых. Мы лишь знаем те числа, что остались, и то приблизительно. Нас оттеснили к северу здесь, в Европе. В Штатах Государство теперь лишь на восточном побережье. От некогда обширных территорий России мы контролируем какие-то жалкие клочки суши на самом западе страны, а что происходит во всем другом мире, мы знаем только благодаря благосклонности Родства.

Тот, кто забывает историю, обречен на ее повторение. Автора этих слов Энди не знал, или не помнил. Но смысл фразы он понял прекрасно. Сканер разделил общество настолько жестко и радикально, что все иные разногласия между социальными группами, или даже целыми государствами, перестали существовать.

– К середине 2044 большая часть Европы превратилась в безжизненную пустошь. Некоторые страны уничтожили полностью. Столицы и все крупные города завалило трупами. Родство не выдвигало требований. Я думаю, что они сами не ожидали такого исхода, не могли контролировать разъяренные массы по свою сторону баррикад. Люди вкусили крови и хотели больше.

Когда все закончилось? Бойня длилась несколько месяцев, хаос царил почти год. В начале 2045 оставшиеся силы некогда великих стран сконцентрировались на Скандинавском полуострове. Куда пропали министры, премьеры, президенты и прочая правящая элита никто достоверно не знал. Но разъяснения и не требовались.

– Совет Родства состоит из семи Матерей и семи Отцов.

– Как семь добродетелей? – коротко спросил Майер.

– Рад, что вы поняли аналогию, доктор, – горько усмехнулся Саммерс. – Марта Бремер одна из них.

– Сейчас?

– Все эти годы, начиная с первого послания. Она же и является главным голосом Родства. Летом 2045 четырнадцать человек приехали сюда, в Копенгаген. Родители. Мы были повержены и сломлены, у нас не было лидера. Все, что осталось от старого цивилизованного мира представляло собой жалкое зрелище – ни будущего, ни перспектив. Забавно, но именно Родство помогло нам встать на ноги. Они указали путь.

Отцы и Матери с трудом утихомирили Сыновей и Дочерей. Если бы не вклад авторитетов нового общества, старое бы окончательно исчезло. Вымерло, как вид. Но Родству был нужен противовес.

Энди помнил выступление Марты Бремер в Копенгагене. Он сидел на холодных камнях мостовой, с трудом кутаясь в потрепанные лохмотья, потерявший всех, кого когда-либо знал и любил. Сидел и слушал мягкий, но холодный голос женщины, который ассоциировалась с войной. Мать Родства говорила, что борьба закончилась, говорила, что смерти и кровь искупили страшный грех, и теперь у каждого есть выбор. Она произносила речь так, словно была школьной учительницей – отчетливо и доступно. «В точности, как моя мама», – думал тогда Андрас.

– Они говорили, что каждый должен определиться. Уж не знаю почему, но им думалось, будто среди выживших найдутся те, кто захочет присоединиться к Родству. Таких, конечно же, не нашлось.

Марта говорила за всех, от лица всего союза. По крайней мере, так виделось. Она предложила обездоленным, измученным войной людям обратиться к Господу с мольбой о помощи и прощении.

– Казалось, что они пришли поиздеваться. Полтора года лилась кровь, и горели города, а первое слово было о Боге. Но истина их визита не заставила себя ждать. Лидеры Родства понимали, что весов с одной лишь чашей быть не может. Они знали, что утопий не бывает. И они нуждались в нас.

Никто не прерывал речь Матери. Никто не кидался на прибывших с кулаками и не грозил им оружием. Старый мир исчез в огне, и Родство было причиной, но у выживших не осталось сил на новую кровь. И, вдобавок, каждый гражданин будущего Государства прекрасно понимал причину загадочного покоя, царящего на Скандинавском полуострове – кто-то специально оставил тихий уголок.

– Марта подтвердила нашу догадку. Северные страны никто не трогал, так она и сказала. «Мы их пощадили, чтобы вы могли жить», – если дословно.

– Вы были там?

– Конечно. И Андрас был. Да, Энди?

– Угу, – промычал он в микрофон. – Хороший был спектакль.

– Не обращайтесь внимания, доктор. У моего помощника своеобразное чувство юмора.

– И что дальше? Они пришли, чтобы вам помочь, и вы приняли их помощь?

– А у нас был выбор? Думаете, мы могли продолжить войну, в которой уже проиграли? Или могли присоединиться к Родству, встать в один ряд с теми, кто убивал наших близких?

Ни за что. Никогда. Энди помнил популярные выступления шоуменов из детства. Их стало много после появления сканера, они собирали огромные толпы и ровным голосом проповедников говорили, что жизнь прекрасна и многогранна, что каждое свершение – путь к самосовершенствованию. «Потери делают вас сильнее, они награждают опытом, сбрасывают пыльные оковы привычной жизни и мотивируют на подвиги. Утратив все, да обрящете новое!» Посмотрел бы Андрас на этих «мудрецов» в первые месяцы хаоса.

– Мы основали нечто вроде парламента. Временное правительство. Его членов мы выбирали по данным сканирования.

– Так он уцелел? Сканер? Мое изобретение?

– Да. Осталось несколько экземпляров. К нашему удивлению, Родство не стало противиться использованию сканера в Государстве. Они хотели, чтобы вновь созданное общество развивалось так, как решит избранное правительство.

«Но вы должны запомнить главный урок», – говорила Марта Бремер, обращаясь к безмолвной толпе. – «Бог един. И сканер – не его творение. Читайте свободу и право. Уважайте мир». Энди засмеялся после этих слов. Он хохотал, сидя на холодной земле, хохотал, не стыдясь удивленных взглядов окружающих людей и Родителей Родства. Его смех оглашал центральную площадь Копенгагена, разрывал горло, а глаза нещадно жгли слезы.

«Почему ты смеешься?» – робко спросила одинокая женщина, облаченная в черное пальто, подол которого был искусан огнем.

– Потому что они говорят о мире, – ответил Энди тогда, и сейчас его слова слышали лишь мониторы да электронные панели операторской. – Эта сука говорила о мире.

– Прошло восемь лет, – продолжал Саммерс. – За это время мы более-менее оправились, встали на ноги. Сейчас между Государством и Родством открыты границы. Мы не препятствуем ни тем, кто хочет уйти, ни тем, кто хочет вернуться. Ужасы прошлого постепенно забываются.

Алан закончил речь и выжидающе скрестил руки. Майер долго молчал, потирая лоб и бормоча что-то под нос, он выглядел озадаченным, но заинтересованным. Энди испытывал любопытство – каково это, узнать, что между твоими «вчера» и «сегодня» прошло тридцать с лишним лет, каково понимать, что пока ты смотрел на стрелку часов, время сместилось, оставив тебя в стороне и промотав взлеты и падения всей человеческой расы.

– Ваша история, мистер, звучит слишком бредово, чтобы быть ложью. И слишком ужасно, чтобы я в нее поверил.

– Я вас понимаю, доктор. Как никто иной. Но весь мой рассказ сводится к одному моменту...

Саммерс потянулся во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда листок, уже знакомый Энди. Момент истины. Вот он.

– Давай, док, – прошептал Андрас. Он точно не понимал, к кому обращается. То ли к Майеру, реакцию которого хотел узнать, то ли к Саммерсу, на чей успех так надеялся. – Давай, старик, реши эту задачку. Мы верим в тебя, дружище.

– Что это такое? – Себастьян с любопытством смотрел на клочок бумаги.

– Это послание, понять которое можете только вы. Вот, смотрите.

Алан развернул листок и протянул его Майеру. Время словно застыло, Энди прилип к мониторам, боясь пропустить какую-нибудь важную мелочь. Он практически не дышал, пытаясь уловить все подробности и детали предстоящей развязки.

Бастиан несколько раз прочитал написанное и мелко заморгал.

– Не покидай меня, папа... – Майер слепо смотрел перед собой. – Эстер? Эстер, девочка. Родная моя...

Саммерс поспешно сложил и убрал листок.

– Что вы можете рассказать мне о ней, доктор?

Бастиан словно и не слышал обращенных к нему слов.

– Я так люблю тебя, Эстер, – тихо проговорил Изобретатель. – Ведь ты мое... Мое...

– Что, доктор? Скажите мне! – Алан слетел со своего кресла и опустился на колени перед Себастьяном. – Что вы о ней помните? Что знаете?

Бастиан сокрушенно опустил голову.

– Ты мое... Мое... – бормотал Изобретатель. – Мое...

– Что, Себастьян! – Саммерс схватил его за плечи и начал трясти. – Скажи мне!

Доктор медленно поднял голову. Энди увидел хмурое лицо глубокого несчастного человека, лицо, блестящее от слез.

– Ведь ты мое... – губы Майера едва шевелились. – Совершенство.

Взгляд Изобретателя стал мутным, как древнее стекло. Он замер, уставившись в одну точку, ушел куда-то далеко, оставив изменившийся внешний мир за пределами своей закрытой реальности.

– Нет, – прошипел Алан, продолжая трясти Себастьяна за плечи. – Нет-нет-нет. Не смей, слышишь? – он начал кричать. – Не смей, Майер! Вернись!

Энди в растерянности следил за действиями Саммерса.

– Вернись, мать твою! Вернись, слышишь?! Мне нужен этот ответ!

Студия оглашалась безответными криками. Долго, мучительно долго.

– Эй, док, – аккуратно начал Андрас. – Док. Хватит. Он отключился. Ты же и сам видишь.

Алан замер, стоя перед Изобретателем на коленях, как преданный поклонник перед своим кумиром.

– Черт! – Саммерс вскочил на ноги и заметался по студии. – Черт! Черт! Черт! Как же меня это достало! Каждый раз, как в петле!

Энди не вмешивался, лишь молча наблюдал. Да и вряд ли он мог сказать что-то, способное успокоить доктора.

– Ладно, – через несколько минут истерика улеглась. Алан остановился возле Себастьяна и развернулся к камере. – На сегодня закончим, Энди. Теперь мне надо подумать. Сохрани все записи интервью и скинь мне на почту. После, можешь быть свободен, – Саммерс кивнул. – Увидимся завтра.

– До встречи, док. Не загоняй себя.

В ответ Алан лишь отмахнулся и устало рухнул в кресло. Андрас немного помедлил, но сделал, как ему велели – сохранил записи с разных камер, объединил их в одну папку и отправил архив на электронный ящик Саммерса. Осмотрев на прощание тесное помещение операторской, Энди вздохнул, вяло промямлил: «Сладких снов, ребятки», – закрыл комнату и зашагал по серому коридору Центра.

Андрас шел, слушая звук собственных шагов, но слышал настоящую барабанную какофонию – так оглушительно колотилось сердце.

Глава 6. Манцинелловое дерево

Времени не хватало. По крайней мере, так виделось Себастьяну. Он не находил себе места: с трудом смог уснуть минувшей ночью, вспоминая разговор с Кристофом и удивительные данные русской девочки, переживал, что рейс задержат или вовсе отменят, сомневался в надежности старика, который мог с легкостью проболтаться о невероятном скане. Было так много различных «если», что надоедливая хроническая мигрень, чьи приступы уже давно ушли в прошлое, вновь заявила о себе, разрывая черепную коробку Майера режущими импульсами. Марта могла бы его поддержать, но сама испытывала нечто подобное, и любое ее слово, произнесенное с надеждой утешить и приободрить, лишь подогревало панику Бастиана.

В 9:17 утра двадцать шестого февраля 2027 года Изобретатель и его давняя подруга сели на самолет до Москвы. Рейс не задержали и не отменили, все прошло как нельзя лучше. Мягкий взлет, два часа полета, плавная посадка, быстрый таможенный контроль – и Себастьян Майер оказался внутри огромного комплекса одного из крупнейших аэропортов России.

– Пойдем сюда, – Марта схватила его свободной рукой. Другой она катила небольшой походный чемоданчик.

– Куда? – Бастиан активно вертел головой, тщетно пытаясь сообразить, в каком направлении следует двигаться. – Куда ты меня тащишь?

– Нам нужны деньги. Местные деньги. Где-то здесь должен быть обменный пункт.

Пластиковые колесики багажа Марты мерно шуршали по гладкому полу. Успокаивающий звук. И такой родной. За последние десять лет Себастьян привык к частым перелетам, привык к аэропортам с их блестящими стенами и панорамными окнами, к незнакомой речи, к ярким вывескам. И к звуку этих маленьких колесиков.

– Вот здесь. Подожди.

Она оставила Майера в стороне, подошла к обменному терминалу, который через мгновение с готовностью проглотил банковскую карту, задумчиво прикоснулась к экрану и приняла совершенно озадаченный вид.

– Что-то не так? – темное предчувствие сдавило горло. – Карта не работает? Боже, может у тебя есть...

– Погоди, – осадила его Марта. – Я не понимаю. Не могу понять, что здесь написано.

– Ты же говорила, что знаешь русский.

– Ага, а еще я говорила, что учила его когда-то давно, – она раздраженно тряхнула головой. – Какого черта?! Здесь же должна быть функция смены языка.

– Марта, – вкрадчиво произнес Себастьян. Он уже стоял рядом с ней и рассматривал экран терминала поверх ее плеча. – Вот же флажок. Ни о чем не говорит?

Майер прикоснулся к миниатюрному триколору, и тут же выскочило меню выбора языка. Марта одарила Бастиана отсутствующим взглядом, сдавленно хмыкнула себе под нос, что-то

невнятно пробурчав, и выбрала строчку, в которой значилось «Deutsch». Спустя несколько секунд, банкомат послушно отсчитал несколько свежих купюр российской валюты.

– Вчера вечером я посмотрела детские дома в районе Коломны. Их несколько, штуки три-четыре. В самом городе один.

– Начнем с больницы, как и планировали. Там должны знать, откуда девочка.

– Да, но...

– Что?

Она была чем-то встревожена. Бастиан видел, как Марта затравленно озирается, как бегают ее взгляд, словно известная только ей опасность притаилась где-то совсем рядом.

– Помни, где мы находимся, Бастиан. Мы не в Европе или Штатах, не в Японии. Тут нам вряд ли будут рады.

– Не понимаю, чем ты так озабочена. Пока что все идет хорошо.

– Да, – ее рука машинально теребила потертую ручку чемодана. – Слишком хорошо, я бы сказала. У меня плохое предчувствие.

– Мы справимся. И домой без нее не вернемся.

Марта лишь рассеянно кивнула. Она вновь повела его за собой, в ту сторону, что обозначалась главным выходом к автобусным остановкам.

– В сети мало данных о России, – мимоходом произнесла она. – То есть, информации то полно, но какой-то... несущественной. Я пыталась спланировать маршрут до Коломны, и это оказалось непросто. Нам нужен автобус под номером 999.

– Их тут настолько много?

– Что? – она удивленно воззрилась на Себастьяна, будто не понимая слов. – А, нет. Не думаю. Не знаю.

Автоматические двери открылись. Россия встретила иностранцев ледяным ветром и крупными хлопьями снега. Это не Цюрих, далеко не он. Зима на этих землях царилла вовсю, еще даже не планируя уступать место весне. Но Себастьян и Марта знали, куда ведет их путь, и были к этому готовы. По крайней мере, они так думали.

Автобусная остановка находилась недалеко от входа в аэропорт, но транспорт никто не ожидал. Скромная пластиковая будка, обшитая органическим стеклом и слабо защищенная от ветра, уныло покоилась прямо на узком тротуаре. Марта поспешно забежала под крышу, зябко кутаясь в толстое черное пальто.

– Черт, холодно, – Себастьян опустил дорожную сумку и принялся стряхивать снег с одежды. – Долго ждать автобус?

– Без понятия.

– Замечательно.

Снежная пелена скрыла мир. Остались только он, она и эта хлипкая остановочная кабинка.

– Так и... – неуверенно начал Майер. – Ты говорила про Цюрих. Про людей. Я заметил кое-что...

– Да не может быть, – язвительно встала Марта.

– Какие у тебя мысли то? Что-то случилось?

– Да, Бастиан. Случилось, – ответила она. – Мы изобрели НСГМ.

– Что ты имеешь в виду?

– Мир меняется. Уже изменился. И как-то слишком... резко и грубо.

– Разве это плохо? Ты посмотри вокруг, – он указал куда-то вбок, но тут же осекся. – Не буквально, но все же. Сколько всего нового, невероятного. Мы вновь смотрим в небо Марта, смотрим в ночное небо и видим далекие звезды, изучаем вопросы мироздания, постигаем себя. Мы перестали пялиться в экраны смартфонов, глумиться и завидовать...

Он подготовил эту речь. Но женщина готовилась лучше.

– Если ты скажешь, что думал о человечестве, изобретая сканер – я тебя прокляну. Не надо лицемерить, Бастиан, незачем, – он хотел возразить, но Марта ему не дала. – Твои выводы основаны на чем? М? На статьях в научных журналах? На новостных лентах, которые ты время от времени смотришь? На разговорах наших коллег? Так вот, знай же, – Марта ткнула пальцем ему в лицо. – Все не так. Далекое не так. Людей мешают с дерьмом, тыкая плохим сканом. Их выбрасывают на улицу, как мусор, используют, как рабов, как челядь.

– Это все...

– Я не закончила, Бастиан, дай договорить. Уж если ты начал этот разговор, то позволь мне высказаться, – в ответ он лишь коротко кивнул. – Раньше, лет шесть назад, я тоже думала, как ты. Мне казалось, что мы с нашим изобретением наконец-то вывели общество из той ужасной стагнации, что длилась полвека. Мы словно увеличили энтропию, сломали нелепую моду на популярность и потребление, – она склонила голову и медленно прошептала:– Сделали невозможное.

Себастьян внимательно слушал.

– Помнишь всех тех, кто смеялся над нами когда-то? Кто крутил у виска во время твоих выступлений, а потом выходил на сцену и начинал говорить о новых способах записи и считывания информации, которые, подумайте только, позволяли хранить еще больше файлов на планшетах и ноутбуках? – ее глаза блеснули гневом. – Боже, как я их ненавидела. Не понимала, как ты выносил все это, как мог, и где брал столько стойкости...

– Мне было все равно.

– Да-а-а, – протянула она. – Теперь-то я знаю, в чем твой секрет. Но речь о другом: НСГМ уничтожил большую часть этих идиотов, превратил их в пыль на обочине, лишил всего. И я радовалась, наблюдая. Следила за новостями мира науки и хлопала в ладоши, когда то тут, то там слетала голова очередного «признанного» старика, а его место занимал тот, кто действительно что-то мог и хотел делать.

Она замолчала, мечтательно вскинув голову. Но тут же помрачнела и произнесла:

– Но это не все. Одна сторона монеты. Другая – до безумия жестока и противна. Мы стали чем-то типа фашистов. Даже, наверное, хуже. Теперь сканер – не наше изобретение, а нечто значительное большее... Как-то я читала статью в журнале, там говорилось про одно индейское племя. «Скоолло». Не помню, когда и где они жили, помню только, что речь шла про Центральную Америку. В отличие от других племен, что поклонялись солнцу, небу или земле, эти чтили совершенно другого Бога. Они молились дереву.

– Дереву?

– Да. Они верили, что каждый член их племени после смерти становится огромным деревом, что оно дает им силу и благословляет их род. Только вот дерево то было не совсем обычным. А точнее – совсем необычным. Это была манцинелла.

– Никогда о таком не слышал.

– Оно мало где растет, но в тех местах его прекрасно знают. И боятся. Манцинелловое дерево содержит млечный сок. Оно ядовито от корней до кончиков листьев, а то самое племя, Скоолло, почитало его, как великого Бога. Старейшины и шаманы носили амулеты и посохи, сделанные из древесины манцинеллы, а каждый, кто смел не подчиниться воле лидеров племени, подвергался испытанию. Испытанию Божеством Скоолло. Провинившегося сажали в центре круглой площади, а по периметру вставали шаманы и старики.

Только Бог может простить, только он настолько мудр и всеведущ, что слово Его незыблемо и свято. Мудрецы индейского племени в религиозных суждениях ничем не отличались от современных священнослужителей. Лишь меры у них были жестче.

– Ему... Или ей. Неважно. Осужденному выносили огромную чашу, а на дне ее лежал предмет, через который дерево судило о поступках человека. Плод манцинеллы. Вина доказы-

валась через поедание фрукта. Выжил – невиновен, умер – виноват. Вот только Богу-дереву было глубоко плевать на людские грехи.

В записях Колумба плод манцинеллы зовется довольно просто – «яблоко смерти». Сочная, светловатая мякоть скрывает в себе все тот же нектар, что и дерево в целом. Млечный сок при попадании в желудок активно и невероятно легко разъедает его стенки, смешивается с желудочной кислотой и превращает внутренние органы в единую, однородную массу. Жертва погибает в ужасных мучениях.

– В той статье говорилось, что каждая смерть от плода Бога-древа заканчивалась настоящим праздником – ведь мудрейшие члены племени всегда безошибочно находили именно тех, кто виновен, – она тяжело вздохнула. – Я не знаю, как рассуждали и о чем думали индейцы Скоолло, но кажется мне, что большинство из них считало решения Бога единственной правдой. Сомневаюсь, что кто-то хотел спорить, что хоть кому-то из диких аборигенов приходила мысль о истинном значении «божьего суда». Это была жестокая казнь, Бастиан. Казнь, и только. Но обряд с манцинеллой одобряли старейшие и мудрейшие... Они ведь не могли ошибаться, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.